

Михаил Качан
Люба-Любовь

Потомку о моей жизни

Михаил Качан

**Люба-Любовь.
Потомку о моей жизни**

«Издательские решения»

Качан М. С.

Люба-Любовь. Потомку о моей жизни / М. С. Качан —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748615-0

Сколько уже написано об удивительных женщинах, но каждая новая повесть открывает в них новые, доселе неведомые черты. Книга мужа о жене — редкость: чаще жёны пишут о мужьях. Эта читается, как увлекательный роман о необыкновенной девочке-девушке-женщине. Мы уже знаем историю их невероятной любви (книга «Вокруг политехнического»). Здесь автор отвечает на вопрос: «А откуда берутся такие необыкновенные люди?» и прослеживает жизненные пути её предков и родных, простых, но необыкновенных людей.

ISBN 978-5-44-748615-0

© Качан М. С.
© Издательские решения

Содержание

Введение	8
Настала пора рассказать о Любочке и ее родных	8
Узнавание друг друга	9
Часть 1. Любочка Штерн	11
Глава 1. Детство и отрочество	12
Рождение	12
Довоенное детство	14
Эвакуация или бегство?	15
В татарском селе Актаныш	16
Учиться? Нет, сидеть с ребёнком!	16
В Актаныш приехали бабушка и дедушка с дочкой Соней	16
Тараканий борщ	17
Холодная и голодная зима 1941—1942 гг.	17
Восьмой день рождения	18
Спасение в огороде	18
Второй раз в первый класс	18
Похвальная грамота в первом классе	19
Татарский танец	19
Малярия	19
Отец приехал на побывку	19
Чайник и коромысло	20
Домой с остановкой в Бежецке	20
Ночь в Павловском дворце	20
Напротив Александро-Невской Лавры	21
Победа	22
В третьем классе ленинградской школы	22
С утра до вечера в кино	23
С мамой на заводе	25
Отец воевал с бандеровцами	26
4-й класс в двух школах Прикарпатья	27
Еще немного о Прикарпатье и Бандере	28
Чуть более подробно о бандеровцах	29
Ожог горячими щами	32
Соляные шахты	32
Переехали в Мукачево	33
Навестили оставшихся в живых	33
Летом 1946-го с отцом в Ленинграде	34
Школа в Мукачево – 5-й класс	34
Самолюбие и вешалка	35
Любимые и нелюбимые учителя	35
Музыка	36
Школьная подруга Рита Коренец	38
Велосипед	39
Дневник	40
О такой квартире можно только мечтать	42
Глава 2. Юность	45

С запада на восток через всю страну	45
Чудесное исцеление в полнолуние	46
В военном городке на окраине Южно-Сахалинска	47
Школа, одноклассники и подруга	47
История с географией	48
Историчка Виктория Карловна	48
Полюбила Маяковского	48
Танцы с постоянным партнером	49
Концерт для родителей	49
Вову привязали к кровати	50
Пурга под Новый 1952 год	51
Рыба и икра	53
Майор Штерн плавает на Курилы	54
Учиться в Ленинград	54
Посадка на пароход на Сахалине	54
Пересадка в Новосибирске	55
Первые два года студенческой жизни	55
Поездка в Гомель	56
Ухаживающие	56
Друзья или претенденты?	57
Встреча с Мишей, то бишь, со мной	59
Дифирамбы Любочке	60
Часть 2. Любочкины родители	62
Глава 3. Николай Исаакович Штерн	63
Наша семья	63
Из Двинска в Вологду	64
Мне повезло учиться	65
Выезд в Израиль был прекращён	65
Отца разорили налоги	66
Из Вологды в Ленинград	66
Чёрная биржа	66
Стал разметчиком	67
Теперь биржа квалифицированных рабочих	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Люба-Любовь Потомку о моей жизни Михаил Качан

© Михаил Качан, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящаю серию книг «Потомку о моей жизни» моей любимой жене и большому другу Любви Николаевне Качан (в книгах – Любочка), с которой мы вместе живём уже почти 60 лет в атмосфере любви и взаимоуважения. Она постоянно подпитывает меня эмоциональной, интеллектуальной и духовной пищей.

Книгу «ЛЮБА – ЛЮБОВЬ» я посвящаю моей дорогой и любимой дочери Ирине. Она родилась, когда я ещё был студентом, именно в тот период, который я описываю в этой книге. И в моей памяти остался образ трогательной маленькой девочки.

Но годы бегут, и сегодня она уже в том возрасте, в каком я переехал жить в США. Она и её муж Сергей Панкратов с детьми вскоре последовали за нами, и теперь они всегда с нами – со мной и с Любочкой. Мы постоянно чувствуем её любовь и заботу.

Всё, за что она берётся, она делает очень умело и с душой, Обладая упорством, она умеет и ставить цели, и достигать их. Мы гордимся ею.

Она у нас единственный ребёнок, а вот ей мы обязаны рождением наших трёх любимых внучек – Алисы, Нади и Веры. Годы бегут быстро, и теперь, уже благодаря внучкам, у нас есть столь же любимые правнучка Диана и правнук Алек.

Введение

Настала пора рассказать о Любочке и ее родных

Любочка Штерн (это её девичья фамилия) вошла в мою жизнь 60 лет назад, в 1954 году. Вошла и осталась навсегда. Её родные стали моими.

Хочу, чтобы ты, потомок, узнал больше о Любочке, её родителях и брате Володе, о братьях и сёстрах её матери и отца, об их семьях, о её, а, следовательно, и о твоих, потомок, предках. В двух словах о них не расскажешь. Но постараюсь покороче.

Если же ты читатель моих воспоминаний, знай, что я начитнаю знакомить тебя с необыкновенной женщиной, её родителями, семьями братьев и сестёр её родителей и, наконец, с её корнями.

В этот период, когда я встретил Любочку, я близко познакомился с некоторыми её родственниками и очень много узнал о них и об их жизни, о её родителях и о самой Любочке. Я и до женитьбы бывал у некоторых, но это носило случайный (с моей точки зрения) характер, а теперь, поскольку все многочисленные родственники Любочки, с которыми я встретился на нашей свадьбе, приглашали нас в гости, мы начали визиты. Но начну свой рассказ с самой Любочки.

Узнавание друг друга

Час приходит – нужно отключиться:

Не глядеть в газету, не учиться —

Из ручья холодного напиться:

Глубь до дна

И небеса до дна...

Семён Ботвинник

Когда мы гуляли по вечерам, Любочка рассказывала о своем детстве, о своей студенческой жизни, о родителях, о родных, о друзьях. Мы говорили о кино, которое она обожала, о музыке, которую она любит без памяти, о стихах и поэтах, которых она знает великое множество, о книжках, которые она прочитала.

Мы говорили обо всём, обмениваясь мыслями, мнениями, чувствами и взглядами на жизнь. И постепенно мы выяснили, как мы похожи во взглядах, в мнениях, в стремлениях, в объяснениях. И я чувствовал, как мне хорошо в обществе Любочки. Я слушал её и сопереживал, вместе с ней радовался, негодовал, надеялся или сожалел.

Любочку смотрит на жизнь совсем не так, как я. Она интуитивно чувствует суть вещей, умеет выделить главное в отношениях, в поступках, абсолютно не приемлет ложь и ханжество.

К сожалению, Любочка не хочет писать о себе, но она много рассказывает о том, что ей запомнилось. Память у неё эмоциональная, и, если события в её жизни были связаны с яркими душевными переживаниями, они ей врезались в память и остались там. А если не было сильных душевных переживаний, никаких воспоминаний и не осталось.

Сейчас, когда я пишу эти строки, 3 июня 2007 г., Любочка работает над письмами в Новосибирск Марка Абрамовича Когана, своего дяди. После переезда в США в 1980 г. он переписывался с Николаем Исааковичем, отцом Любочки, иногда со своей сестрой Бертой Абрамовной, матерью, а после их смерти недолго с Любочкой. Недолго, – потому что после того, как Николай Исаакович скончался, а это случилось в ночь на 3 мая 1991 года, мы в начале следующего года тоже уехали в Америку.

Незадолго до нашего отъезда, 22 декабря того же года СССР распался, и на его территории возникло 15 государств. Поэтому мы уехали уже из России, а не из СССР.

15 января 1992 года я прилетел в Нью-Йорк, и Марк Абрамович меня приютил. 7 марта 1992 года здесь же оказалась и Любочка. Почему мы не приехали вместе? Это отдельный занимательный рассказ. Мы и это пережили.

Письма Марка Абрамовича нам сохранила в Новосибирске и привезла в Нью-Йорк наша дочь Иринка. Теперь пришло время, когда их можно опубликовать. Прошло полтора десятка лет с момента его смерти. Любочка хочет закончить эту работу в память о нем к 1 сентября 2007 года – к 100-летию со дня его рождения.

Николай Исаакович и Марк Абрамович были большими друзьями. Марк Абрамович даже называл Николая Исааковича своим братом. А Любочку он называл своей любимой племянницей.

Сейчас утро. Мне предстоит сегодня днем подвергнуться процедуре ангиопластики артерий правой ноги, а то в последнее время она снова стала болеть при ходьбе. Предыдущую процедуру на этой ноге мне сделали год назад. Врач обещал 7 лет без боли. К сожалению, не получилось, – прошел всего год. Но и год хорошо. Какое счастье, что совсем недавно такая процедура стала возможна!

Да, сейчас утро, и мне предстоит эта процедура, примерно в середине дня, но я думаю не о ней, а о Любочке.

Если все будет хорошо, а я на это надеюсь, Любочка привезет меня из больницы домой сегодня вечером, и завтра я уже продолжу свой рассказ. Я написал о ней уже восемь страниц, – то, что мог. Но об ее чувствах я писать, естественно, не могу.

Вчера вечером я переслал эти страницы Любочке и попросил написать самой об этом. Я даже написал, о чем конкретно. Факты то я знаю, но описывать её эмоциональное состояние – это, во-первых, грешить против истины, а, во-вторых, будет сухо и серо.

Надеюсь, что Любочка выполнит свое вчерашнее обещание и напишет. Она хорошо пишет, и это будет интересно тебе, наш потомок.

Только что позвонили из больницы. Процедуру перенесли, – нет какого-то инструмента, – в Америке редкостный случай. Ну и ладно. В честь отмены Любочка напекла вкусных оладий с яблоками, и мы позавтракали на веранде своего дома.

В этом году хоть и солнечно, но не жарко. В прошлые годы в июне было 35—40 градусов, а тут не больше 25 градусов.

Подарок судьбы, – говорят.

Так что, мы с ней провели вместе чудесное утро, разговаривая то о прошлом, то о настоящем.

P.S. Любочка закончила свою работу с письмами дяди Марка. Я же начал редактирование и публикацию его писем в proza.ru (в графе «поиск» можно найти эти публикации по имени автора – Мейер Коган),¹

P.P.S. К сожалению, и сегодня, 17 мая 2016 года эта работа мною не закончена.

¹ Их можно найти по адресу: <http://proza.ru/avtor/meyko>.

Часть 1. Любочка Штерн

Любочка Штерн (1953 г.)

Глава 1. Детство и отрочество

Рождение

Маленькая Любочка

Любочка родилась 3 марта 1934 г., на 8 месяцев раньше меня в Ленинграде. Её родители жили тогда в квартире дома, расположенного напротив Александро-Невской Лавры. Дом был на месте, где теперь стоит гостиница «Москва». Номер квартиры она не помнит.

Её мама, Берта Абрамовна Штерн, родила двойняшек. Это были её первые роды.

Схватки начались раньше времени, дома. Николай Исаакович стеснялся ехать с ней в больницу на такси, потому что она кричала. А врач в поликлинике, к которой прибежала соседка, сказала:

– Я эту больную знаю. Ей рожать ещё не скоро. Ничего страшного. Подождёт.

Так что медицинская помощь запоздала. Первым родился мальчик-крепыш, но он не сделал первого вдоха, и никто не сумел заставить его задышать.

К моменту рождения второго ребенка – девочки, а это и была Любочка, квалифицированная помощь уже подоспела. Да и родилась она с криком. Поэтому хилый заморыш, появившийся на свет вторым, был успешно спасён и стал жить.

Эту историю любила рассказывать родная сестра Любочкиного отца тетя Лена (Геня Абрамовна Швабская), а вслед за ней и её дочь, Лиля (Елизавета Швабская), которая родилась раньше Любочки на три года:

– У неё были вот такие тоненькие ручки (она показывала, какие тоненькие) и вот такие тоненькие ножки (показывались и ножки толщиной со спичку). А маленькое личико было ну прямо, как у крысочки.

Конечно, Любочке этот рассказ о ней не нравился, особенно, когда она вступила в нежный возраст, тем более, что эта история рассказывалась каждому её кавалеру. Меня тоже не обошли вниманием, но мне это было рассказано уже после нашей свадьбы. Мне было абсолютно все равно, какие ручки-ножки и какое личико было у Любочки при рождении. Но мне было приятно, когда в ответ на бурный протест Любочки, тетя Лена с присущей ей грубоватой прямоотой ответила:

– Молчи, дура! Зато, смотри, какая красавица выросла!

Она была права, Любочка, на самом деле, была удивительно красива, ну просто невероятно красива. А уж как обаятельна!

Впоследствии Николай Исаакович называл Любочку уже даже и не «крысочкой», а марафонской крысой. Но Любочка на него не обижалась. У нее с отцом сложился с детства и на всю жизнь душевный контакт.

А Любочка иногда говорила, что она живёт не только за себя, но и за того парня.

Довоенное детство

Из довоенной жизни Любочке запомнились четыре события.

Событие первое. Любочка с мамой приехала летом 1938 года в Чечерск, недалеко от Гомеля, где жил ее дед Абрам Исаакович Коган, отец мамы. Он был шорником, – делал конскую сбрую.

Жена его Либя, в честь которой и дали имя Любочке, к тому времени уже умерла. Именно после её смерти Марк Абрамович и забрал свою младшую сестру Берту в Ленинград.

Любочка смутно помнит невысокого старика, но зато ярко запомнилось другое. Петух во дворе догонял курицу и напал на неё с явно определенными намерениями. Не понимая этого, Любочка, не задумываясь, закрыла её своим телом, – четырехлетний ребенок бросился на защиту курицы. Петух не испугался малолетней защитницы, но, видимо, осерчал на неё, и клюнул нашу Любочку прямо в темечко. Любочка испугалась, но, тем не менее, была горда, что, не побоявшись грозного петуха, защитила слабую курицу.

Событие второе. Детские игры между могилками на кладбище Александро-Невской Лавры.

Кладбище было довольно сильно «заселено», но это не мешало маленькой девочке играть здесь в дочки-матери. Зато она рано осознала, что люди заканчивают свою жизнь именно здесь, и это вполне естественно. Никаких иллюзий. Все там будем.

Событие третье. «Три поросёнка» была любимой книжкой Любочки. И на её маленькой чашечке были нарисованы три поросёнка. Словом, для Любочки назвать кого-нибудь поросёнком было то же самое, что сказать: «Как я тебя люблю!».

Любочке лет пять:

– Ой, папа, – сказала она, думая, что отцу будет приятно, – какой ты чистенький и красивенький. Ну, прямо, как поросёночек!

Такое сравнение не было понято. Сравнение с поросёнком, хотя и чистеньким, и красивеньким, отцу не понравилось. Для набожного еврея упоминание о свинье всегда было тяжким оскорблением. У папы, хоть он уже в эти времена и не ходил в синагогу, полученное в детстве традиционное еврейское, глубоко запятанное воспитание, видимо, сохранилось на всю жизнь.

Любочку поставили в угол, да не в комнате, а в коридоре их коммунальной квартиры. Немного постояв в углу, Любочка залезла на сундук, над которым на вешалке висела верхняя одежда. Под неё Любочка и спряталась.

– Пусть теперь поищут, – слёзы душили ее. Она не понимала, за что её наказали. Она сидела и сидела за одеждой, – но про неё забыли. Потом, видимо, спохватились и вышли посмотреть. Не увидели за одеждой и ушли. А Любочка осталась там сидеть:

– За что?? – ребёнок не понимал.

Событие четвертое. 15 декабря 1940 г. в семье Штернов родился мальчик. Его назвали Владимир. Вовочка, Володенька. У почти семилетней Любочки появился младший братик.

Но Любочка сначала не приняла его, – она хотела девочку. Даже с подружками по дому вынашивала планы, как от него избавиться. Потом полюбила.

До начала войны между Германией и Советским Союзом оставалось полгода.

Эвакуация или бегство?

А потом началась война, немецкие войска быстро наступали вглубь Советского Союза и подступили к Ленинграду. Уже с начала июля началась массовая эвакуация жителей города, в основном, детей.

Берта с двумя детьми, и тётя Лена с двумя детьми 7 июля отправились на поезде с детьми в Татарию. Взрослых не брали, но Лену остановить было невозможно, – она добилась того, что в последний день кто-то смиловился и разрешил. Взяли и её, и Берту.

Любочка вспоминает, как мама собиралась. Приехала бабушка помочь собраться. Мама расстелила на полу пикейное одеяло, побросала туда самые необходимые вещи и завязала узлом. Потом принесла из кухни маленькую кастрюльку и со словами «пригодится, Володе кашу варить», – воткнула ее ручкой в узел, так что сама кастрюлька торчала наружу.

А где же в это время был папа? Он после окончания Библиотечного института им. Крупской в Ленинграде был направлен на работу в Мурманск. Когда началась война, его призвали в армию, и в эти июльские дни он уже воевал.

В Угличе была пересадка на теплоход. Но тут Володя заболел. У него была диспепсия. Это такое заболевание у маленьких детей, когда и еда, и вода вызывает рвоту. Организм быстро обезвоживается, и ребенок становится похожим на маленького старичка. Официальная медицина от лечения в таких случаях сразу отказывается. Выживал один из тысячи.

– На лице у Володи был виден «смертный треугольник», – вспоминает Любочка. Кто-то, видимо, сказал это, а Любочка услышала и запомнила. А, может быть и сама его увидела, и это её поразило.

Берта побежала к какому-то врачу, и тот поставил Володе синтомициновую свечу (хорошо, что они у него были, ведь тогда это было большим дефицитом). Кроме того, он велел купить на базаре живую курицу и сварить бульон. Этот бульон, видимо, и спас маленького Володю.

Но происшествия на этом не закончились. В туалете на теплоходе Берта выронила пакет со всеми документами в сливное отверстие. Все документы на себя и детей – свой паспорт и метрики детей, хлебные и продуктовые карточки, по которым выдавали продукты на месяц, а также аттестат мужа, который давал ей право ежемесячно получать 600 рублей, все оставшиеся деньги, всё уплыло и, видимо, утонуло. Правда, капитан распорядился повернуть теплоход и поискать пакет, но это ничего не дало. Семья осталась без каких-либо средств к существованию. Даже поселиться нигде не было возможности, так как без документов не прописывали.

В татарском селе Актаныш

Их высадили на пристани Аязкуль в Татарии, и они добрались до села Актаныш, где проживало тысячи полторы жителей, большинство которых не говорило по-русски.

Но это был районный центр, и там был военкомат, куда Берта, как жена военнослужащего обратилась за помощью.

Несколько ночей Берта с Любой и Володей ночевали на столах в политотделе военкомата, потому что без паспорта никто не имел права их приютить. Спасибо военкому, что разрешил. В военкомате пообещали восстановить документы, но это оказалось делом не одного дня.

В конце концов, получив документы, семья поселилась в одной комнате, разделенной печкой надвое. В одной части жили хозяева – татарская семья – женщина с двумя девочками, в другой – Берта с детьми.

Какой была жизнь эвакуированных, хорошо известно. Устроиться на работу было очень трудно. Берта продала (или обменяла на продукты) все вещи, которые у неё были с собой. Всё время искала любую работу, хотя бы на пару часов, чтобы было, на что выкупить хлеб, купить какие-нибудь продукты и расплатиться с хозяйкой за угол.

Учиться? Нет, сидеть с ребёнком!

Любочке пришлось всё время сидеть с Вовой. Он родился в декабре 1940 года и осенью 1941-го ему не было еще года. Сентябрь она просидела с ним дома и в школу не пошла.

В начале октября она всё же пошла в первый класс школы, но начались дожди, а подходящей обуви у Любочки не было, да и мама не могла без неё обойтись. Пришлось школу бросить.

Зато она освободила маму, которая могла заняться добыванием минимальных средств, чтобы купить хоть что-нибудь. Аттестата от мужа (примерно 600 руб.) хватало только на то, чтобы выкупить хлеб и крупу по карточкам.

В Актаныш приехали бабушка и дедушка с дочкой Соней

Когда я спрашивал Любочку, когда в Актаныше появились бабушка и дедушка с тётёй Соней (тётя она для Любочки), она мне отвечает, что бабушка, дедушка и тётя Соня приехали уже зимой.

Так получилось, что бабушка и дедушка остались в Ленинграде. С ними была их дочь Соня. Теперь уже никто не вспомнит, почему они своевременно не эвакуировались. То ли не захотели, надеялись переждать в Ленинграде, то ли тётя Соня не могла оставить работу. Теперь можно только гадать об этом. Но в первые месяцы блокады им помогло выжить то, что Соня в блокадном Ленинграде работала и получала рабочую карточку и, видимо, подкармливала своих родителей.

Бабушка и дедушка с Соней приехали в Актаныш в начале зимы 1942 г. Их вывезли из блокадного Ленинграда по «дороге жизни» через Ладожское озеро, когда озеро замёрзло и лёд окреп настолько, что выдерживал машины. Немцы постоянно обстреливали трассу,

машины гибли от обстрела, проваливались под лёд и тонули, но «дорога жизни» продолжала работать. Она спасла жизни сотен тысяч людей.

Тётя Соня, приехав в Актаныш, сумела устроиться на работу. Она работала то ли в детском доме, то ли в госпитале. Любочка помнит, как на каком-то концерте самодеятельности Соня танцевала.

Ей было в ту пору года 22—23. Она окончила французское отделение иняза, и конечно, работы по специальности в Актаныше не могло быть.

Тараканий борщ

У тёти Лены денег было больше, чем у Берты. Во-первых, она их не теряла, как Берта, во-вторых её муж Гриша Швабский посылал больше, чем мог послать Любочкин отец. Поэтому у семьи Швабских было чуть больше возможностей купить продукты, чем у Берты, и тётя Лена иногда подкармливала их, как могла.

Присылала изредка Берте продуктовые посылки и Юдифь, жена брата Берты Израиля, которая со своими детьми была в эвакуации на Урале.

Любочка запомнила один печальный случай, связанный с едой. Однажды тётя Лена пригласила всех на борщ.

– Возможно, говорит Любочка, – это было в день приезда бабушки, дедушки и тёти Сони.

Тётя Лена наварила большую кастрюлю борща. Все сели за стол и приготовились есть. Но когда открыли крышку, увидели таракана. А когда пошевелили ложкой борщ, оказалось, что в кастрюле тараканов очень много.

Тараканий борщ есть не стали. Так и остались голодными.

Холодная и голодная зима 1941—1942 гг.

Наверное, первая зима была самая трудная. Личные вещи, захваченные впопыхах с собой в эвакуацию, закончились, больше продавать или менять на продукты было нечего, надо было работать, чтобы заработать хоть немного денег на покупку продуктов и в оплату хозяйке дома за угол.

Теплых вещей они с собой не взяли, ведь обещали, что война быстро кончится, – думали к холодам вернуться домой. Любочка на улице мерзла, руки и ноги коченели, и их приходилось оттирать. Да и дома было холодно. Хозяйка топила печь в основном соломой. Заслонку закрывали раньше времени, чтобы сохранить побольше тепла. Это приводило часто к тому, что все угорали. Любочка помнит, как они сидели в мороз на крыльчке и глотали свежий воздух.

Я специально посмотрел, какова токсичность угарного газа и нашёл следующую цитату:

При содержании 0,08% CO во вдыхаемом воздухе человек чувствует головную боль и удушье. При повышении концентрации CO до 0,32% возникает паралич и потеря сознания (смерть наступает через 30 минут). При концентрации выше 1,2% сознание теряется после 2—3 вдохов, человек умирает менее чем через 3 минуты.

Угарный газ сохраняется в клетках в течение длительного времени, причем в клетках происходят необратимые изменения. Он губительно действует на все процессы энергообеспечения организма. Могу засвидетельствовать, что у Любы очень высокая чувствительность к угарному газу: при малейшей его концентрации в воздухе, её тошнит и рвёт, она теряет сознание. Мне, к сожалению, пришлось в этом убедиться в самом начале нашей совместной жизни, да и потом иногда бывало.

Любочка помнит, что голодно было всё время, но особенно голодной была первая зима, когда единственными продуктами был хлеб, немного крупы и жиров, выкупленных по карточкам. Она помнит, что ей часто приходилось ложиться спать голодной.

Конечно, она сразу повзрослела. Дети военной поры, познавшие голод и лишения, быстро становились взрослыми. Разумеется, она понимала далеко не всё, но быстро научилась варить суп из того, что было в доме. Немного крупы – уже суп. Одна картофелина – прекрасно. А если ещё удавалось достать головку лука – уже праздник.

Вскоре только она и была поваром в доме. Мама ей полностью доверяла. Есть капуста – вот и щи. Достали свёклу – варила борщ.

Так Любочка в свои семь лет стала маленькой хозяйшкой в доме. Научилась варить и экономить продукты, если это было возможно. Потому что завтрашний день спланировать было нельзя: то ли мама принесёт что-нибудь, то ли ничего не принесет.

Восьмой день рождения

Любочка впоследствии рассказывала нашей дочке, а потом и каждой внучке, когда они были маленькими, про один день из своей жизни – про свой день рождения 3 марта 1942 года.

Весь день она ничего не ела, еды никакой не было. А вечером две дочери их хозяйки сидели напротив нее на лежанке и, болтая ногами, ели горячий хлеб с маслом. Аромат только что выпеченного хлеба невыносимо разжигал аппетит, масло слегка подтаяло на горячем хлебе. Физически ощущался во рту вкус этого хлеба с маслом. Смертельно хотелось откусить от ломтя хоть маленький кусочек, ведь за весь день маковой росинки во рту не было.

– А ведь сегодня мой день рождения! – думала про себя Любочка, но и виду не показала, что она голодная. А потом пришла домой мама и никакой еды с собой не принесла.

В это время хозяйка внесла в комнату только что родившегося еще мокрого барашка. Любочка обняла его за шею и немножко поплакала в его шерстку, так чтобы никто не услышал и не увидел.

Спасение в огороде

Наконец длинная холодная и голодная зима закончилась. Весной 1942 года Берте выделили небольшой участок земли под индивидуальный огород.

Любочка не помнит, где они раздобыли семена для посадки, а вот как сохраняли картофельные очистки с глазками, которые потом посадили в землю, помнит.

Потом пришлось дважды полоть посадки, прореживать морковь и свёклу, окучивать картофель. Когда Люба прореживала морковь, выдранную морковку тут же очищала ботвой от земли и съедала. Было очень вкусно!

Огород помог выжить в две следующие тяжёлые зимы – 1942—43 и 1943—44 годов.

Второй раз в первый класс

1 сентября 1942 г. Люба снова пошла в первый класс.

Все уроки в школе с 1 по 4 класс проходили в одном помещении. Учительницей была молоденькая девушка. Любочка не помнит, как её звали, но помнит другое.

Люба рассказывает, что за учительницей ухаживал хромой физкультурник. Он воевал, был тяжело ранен, и его комиссовали.

Когда я спросил Любочку, как ты, маленькая девочка, могла определить, что он ухаживает за учительницей, Любочка ответила мне, что он, находясь в учительской на втором этаже дома, стучал в пол, чтобы вызвать её из класса на разговор.

Вот как маленькие девочки определяли, ухаживает молодой человек за девушкой, или нет.

Похвальная грамота в первом классе

В Актаныше Люба в 1941—42 учебном году в школе не училась, – не до того было, – нянчила брата, но в следующем году всё же пошла в первый класс, а в 1943 г. – во второй. Она училась хорошо. Девочка была развита не по годам, и ей школьная программа давалась легко.

По окончании 1-го класса ей выдали похвальную грамоту. Правда, получила она её только в феврале 1944 г. Наверное, не было бланков. Так бывало.

Татарский танец

Общаясь с подружками, для которых родным языком был татарский, Любочка быстро «схватила» их язык и начала довольно бойко говорить по-татарски. Берта, увидев это, теперь начала брать её с собой в тех случаях, когда надо было объясниться на рынке при покупке продуктов или в кабинетах у сельских начальников, многие из которых по-русски говорили довольно плохо.

Когда я с Любочкой познакомился (ей было тогда 20 лет), она по-татарски могла только сосчитать до десяти. Она и сегодня это может, правда, делает это спотыкаясь. Больше никаких татарских слов она не помнит.

Малярия

Осенью 1943 года у Любы начались приступы малярии. Малярия – мучительная и смертельно опасная болезнь. Любочку «трясло» и, несмотря на очень высокую температуру, знобило, страшно болела голова и ломило суставы, время от времени рвало, а один раз даже были конвульсии. Хорошо, что у фельдшера оказался хинин. Он помогал только снять приступ, а через пару дней приступ малярии возобновлялся. Любочка так мучилась, что, как она помнит, даже хотела умереть.

Отец приехал на побывку

А потом приехал с фронта на побывку папа. Прямо ко дню рождения Володи, которому только что исполнилось четыре года, – это был декабрь 1944 г. Правда, папа приехал ненадолго. Но зато он привез «настоящий» хлеб (для военнослужащих выпекали хлеб качеством получше, чем населению), сгущённое молоко, американскую тушёнку и немного шоколаду. Всё это офицерам выдавали в качестве сухого пайка. Маленький Володя, увидев шоколад, воскликнул:

– Вот настоящий чёрный хлеб!

Папа недолго побыл и уехал получать новое назначение. Он попал на Белорусский фронт в строевые войска. А в скором времени перешёл на политработу, и в 1945 году был переведен в погранвойска на борьбу с бандеровской армией, засевшей в горной лесистой местности в Западной Украине.

Воспоминания Н. И. Штерна можно посмотреть в <http://www.proza.ru/avtor/shtern1912>: Proza.ru

(Поиск в Proza.ru следует вести по имени и фамилии автора – Николай Штерн)

Чайник и коромысло

В Актаныше не было ни водопровода, ни колодцев. Летом все носили воду с речки, а зимой растапливали снег. До речки от дома было минут десять ходу. Носить воду – была обязанность Любы. По воду Люба ходила с чайником.

Как-то раз утром Берта попросила Любу принести воды. Люба взяла чайник и пошла на речку. Там она встретила довольно много девочек, которые тоже пришли сюда за водой. Одна из девочек была с коромыслом, на котором раскачивались два небольших ведёрка с водой. Каждое ведёрко вмещало, скорее всего, полведра воды.

Отнеся воду домой и заполнив вёдра, стоявшие в сених, девочка вернулась к подругам, жаждущим тоже поносить коромысло с вёдрами. К коромыслу выстроилась большая очередь. Девочка была доброй и никому не отказала. Люба тоже встала в длинную очередь.

Её очередь дошла только к вечеру. Она наполнила водой оба ведёрка и гордо принесла их домой на коромысле.

Она была очень удивлена, когда ей попало от мамы за то, что она ушла за водой утром, а вернулась только к вечеру.

Домой с остановкой в Бежецке

Вскоре немцев от Ленинграда отогнали, 29 января 1944 года блокаду города полностью сняли, и Берта Абрамовна с детьми начала готовиться в обратный путь.

Было известно, что в Ленинград пускают только по специальному вызову. Стремление вернуться было таким сильным, что, не имея вызова, все три семьи (Штернов старших с Соней, Швабских и Берты с детьми) в мае 1944 года тронулись в сторону дома. До Бежецка, стоящего на реке Молога, доехали парохомом. Дальше не пускали, нужен был вызов. Вызов каждая семья должна была получать самостоятельно. Они поселились в помещениях случайного пункта и стали ждать документы, от кого, кто.

Но тут пришла беда. Берта вышла из дома и не вернулась. Её искали несколько дней, но найти не могли. Приходили какие-то люди и просили отдать им детей – Любу и Володю.

И вдруг случайно, в какой-то очереди услышали разговор. Женщина рассказывала о том, что её попросила больная из больницы купить продукты. Её начали расспрашивать, и оказалось, что эта больная – Берта. Оказывается, у неё был брюшной тиф. Она потеряла на улице сознание, и оказалась в больнице.

Ночь в Павловском дворце

Наконец, получила вызов в Ленинград семья Лены. Вызов им прислали родственники мужа Лены – Гриши Швабского, а он сам в это время лежал в госпитале в Алма-Ате. В июле Швабские уехали из Бежецка в Ленинград и вновь поселились в своей комнате на 5-й Красноармейской ул.

У Берты вызова не было, и ждать ей было нечего. Поэтому она с детьми поехала вслед за ними, на авось. Единственный документ, который у нее был – справка, что её муж служит в Львовской области.

Пока она ехала до Бежецка, она показывая эту справку, объясняла, что она с детьми едет к мужу. Этой бумажки оказалось достаточно, чтобы сняться с места и доехать до Бежецка. Но для въезда в Ленинград она не годилась.

В Павловске Берту и её детей сняли с поезда, как и многих других, не имевших пропуска.

Пришлось заночевать в Павловске. Им сказали, что они могут переночевать в царском дворце, где в огромном бальном зале ночевало довольно много народу.

Во время войны немцы разместили во дворце отдел полиции безопасности и СД. А 6 января 1944 г. во дворце случился пожар. Так что, у зала был довольно плачевный вид.

Любочка помнит эту ночь. Они расположились у стены, достав из узлов вещи, которые использовали вместо матрасов и одеял. Было холодно. На дворе стоял, видимо, сентябрь, и они мерзли. Окна были заколочены фанерой. Зал был освещен только топящейся буржуйкой, стоявшей посреди зала. Берта не знала, чем накормить детей, на что Люба ей сказала:

– Мама, у нас есть пол луковицы и горсть пшена. Я сварю супчик.

На буржуйке была одна конфорка, на которую Люба поставила маленькую кастрюльку. Это была та самая кастрюлька, которую мама в последнюю секунду пихнула в узел, когда они эвакуировались из Ленинграда, со словами:

– Пригодится, Володе кашу варить.

Теперь в ней Люба хотела сварить суп.

Крышки у кастрюльки не было, и кто-то дал маленькую крышку, которая еле держалась на кастрюле. Эту крышку Люба время от времени снимала тряпкой, чтобы помешать вареву. Крышка была очень горячей, а тряпка была грязной и вонючей. В какой-то момент крышка перевернулась, и тряпка оказалась в супе. Есть такой суп было уже невозможно, и его пришлось вылить. Так и легли спать голодными.

На следующий день, Берта попросила разрешения съездить в Ленинград за тёплыми вещами, и ей дали пропуск на 10 дней. С этим пропуском она приехала на завод им. Ленина, где работала до войны лаборантом в химлаборатории. На заводе было некому работать, и её тут же оформили на работу.

Съездила Берта и на Шлиссельбургский пр. 4/4 напротив Александро-Невской лавры. Это был адрес их двухэтажного дома, на втором этаже которого они жили до войны. Она убедилась, что их комната в коммунальной квартире, была свободна. Комната была забронирована (военнослужащие имели на это право), и в ней никто не жил. Хотя было много случаев, когда люди вселялись и в забронированные квартиры.

Слава богу, сохранилась и мебель, и вещи, оставленные дома при поспешной эвакуации из Ленинграда три года назад.

Она вернулась в Павловск и по своему пропуску провезла в Ленинград своих детей — десятилетнюю Любу и Володю, которому было четыре с половиной года.

Напротив Александро-Невской Лавры

Теперь они снова жили в своей комнате у Александро-Невской Лавры, и Любочка пошла в школу.

Мама получила первый паёк на заводе: буханку черного хлеба, килограммовую пачку свежих дрожжей и кулёк сахарного песка. Они с жадностью ели хлеб, отламывали дрожжи и макали их в сахар. Как было вкусно! Любочка и сейчас говорит, что дрожжи очень вкусные.

Через несколько дней им выдали карточки.

К началу учебного года они опоздали, и Любочку хотели снова посадить во второй класс. Тем более, оказалось, что в Татарии во втором классе таблицу умножения не изучали, и Любочка её не знала. Всё же её условно приняли в третий. Мама сказала:

– Возьмите её в третий, а если не справится, оставьте на второй год. Любочка быстро наверстала пропущенное, и если во второй четверти учебного года у неё ещё были тройки (удовлетворительно), то в третьей и четвёртой – были только хорошие и отличные оценки (четвёрки и пятёрки).

Хлеб и почти все продукты продавались по карточкам, которые выдавались на месяц. Они разрезались на три декады. В магазины ходили с карточками на одну декаду. За хлебом, по-прежнему, выстраивались очереди. Любочка после школы стояла в этих очередях часами.

– Девочка, давай я тебе выкуплю без очереди, – обратился к ней какой-то подросток.

Любочка машинально протянула ему карточки и деньги. Подросток исчез и больше не появился. Потом десять дней у них не было хлеба. Мама не стала упрекать Любочку. Перебились. Бывало и хуже.

Победа

Пришел день Победы. В ночь на 9 мая Любочка услышала по радио тиканье метронома. Это означало, что будут передавать какое-то важное сообщение. Но ночью? Такого никогда не было. И вдруг объявили о капитуляции Германии и Победе в Великой Отечественной войне.

Любочка прыгала на кровати и кричала:

– Мама, победа! Мама, победа!

Это была неслыханная радость. После тяжелейших лет войны наступил мир. Как все его ждали! Теперь с фронта вернутся мужчины. Снова будем нормально жить!

Люди и смеялись, и плакали. Палили из ракетниц. Все высыпали на улицы. Обнимались и целовались незнакомые люди. Солдат и офицеров качали.

Всё это Любочке запомнилось тогда на всю жизнь.

В третьем классе ленинградской школы

В конце мая занятия в школе закончились. Любочка сфотографировалась вместе с девочками и своей учительницей.

На фотографии Любочка Штерн сидит в первом ряду (вторая справа). Школа была женской, поэтому мальчиков на фотографии нет.

Подруг в этом классе она не приобрела, ни с кем время не проводила вместе и никого из одноклассников по имени не помнит. Помнит только, что вначале учиться было трудно. Когда она пришла в этот класс все ученики уже знали таблицу умножения, а Любочка понятия о ней не имела. В Актаныше во втором классе таблицу умножения не учили. Но девочка она была памятливая и сообразительная, и вскоре она догнала остальных. Правда, похвальной грамоты она в третьем классе не получила.

С утра до вечера в кино

Теперь Любочка была свободна. Её любимым занятием стало посещение кинотеатра.

Ей повезло: хорошая знакомая тётки Лены работала билетёром в кинотеатре «Смена» на Садовой, и она пропускала Любочку в зал без билета. Любочка и раньше после занятий в школе отправлялась к этому кинотеатру и просиживала в зале допоздна, смотря один и тот же фильм по несколько раз. Теперь она с утра, наскоро перекусив, садилась на трамвай, который со Старо-Невского проспекта доставлял её на Садовую улицу (Сенную площадь надо было проехать). Выходила из кино Любочка только поздно вечером.

Ребёнок растёт

Кинотеатр стал называться «Смена» только в 1937 году. Он размещался в большом доходном доме на Садовой, 42. Здание было построено архитектором Беретти в 1818—1820 гг. До Октябрьской революции оно принадлежало Кривошину. До революции и вплоть до 1920 года кинотеатр назывался «Театр чудес». Потом он сменил несколько названий – «Мозаика», «Кинотеатр снов» и «Луч».

В 2006 году кинотеатр «Смена» был закрыт. В Постановлении Правительства Санкт-Петербурга от 20 ноября 2006 г. №1422 причина его закрытия звучит так:

«...в целях оптимизации деятельности киносети Санкт-Петербурга и эффективного использования государственной собственности Санкт-Петербурга».

Любочке 13 лет.

Ни о том, что это был один из старейших кинотеатров России, ни о людях в Постановлении, естественно, ничего не говорится.

Время от времени Любочка ездила к родным: либо на 5-ю Красноармейскую к тётке Лене и её дочери Лиле, либо на Васильевский – к бабушке Риве, дедушке Исааку и тётке Соне. Было ей в ту пору 11 лет.

С мамой на заводе

Иногда мама брала её с собой на Невский машиностроительный завод им. Ленина, где она работала лаборанткой в какой-то лаборатории. Завод в войну был сильно разрушен, но теперь быстро восстанавливался.

У завода была своя замечательная история, – ведь именно он построил первый отечественный корабль-броненосец, который получил название «Кремль» (1865), и первый отечественный паровоз (1869). До Октябрьской революции здесь было выпущено более 4000 паровозов и 174 судна различного назначения.

В 20-х годах XX столетия завод меняет свой профиль на энергомашиностроительный.

В 30-х, завод изготавливает первую в СССР центробежную турбомашину для подачи воздуха в доменную печь, выпускает компрессоры, газодувки, турбины и паровые котлы. До 1941 года Невским заводом было выпущено около 100 машин 19 типов.

Здание Невского машиностроительного завода. В середине XIX века он назывался Невским литейным и механическим заводом Семяникова и Полетики по имени его создателей.

Вот на таком знаменитом заводе работала в то время Берта Абрамовна и туда брала иногда с собой Любу. Может быть, поэтому Люба через 7 лет захочет учиться в Политехническом институте.

Отец воевал с бандеровцами

Степан Андреевич Бандера (1909—1959) был украинским политическим деятелем и теоретиком украинского национализма.

Далее из Википедии: С. А. Бандера

«...в 1941 году возглавил созданный годом ранее Революционный Провод ОУН. После нападения Германии на СССР был вместе с другими деятелями украинского националистического движения арестован немецкими оккупационными властями за попытку провозглашения самостоятельного Украинского государства и помещён под стражу, а позднее отправлен в концлагерь Заксенхаузен, откуда был освобождён гитлеровцами в сентябре 1944 года.

В 1947 году стал руководителем Провода ОУН. В 1959 году был убит агентом КГБ Богданом Сташинским».

Закончились занятия в школе. Приехал папа, и они уехали к нему в Западную Украину. Дивизия, где он служил, вела тяжелые бои с Украинской повстанческой армией (УПА). Но их так тогда в Советском Союзе не называли. Говорили просто: воюем с бандеровцами, их была целая армия и ее считали бандитской.

На самом деле, сторонников С. А. Бандеры следовало бы называть бандеровцами, хотя все, кто воевал против, называли их бендерой или бендеровцами.

Это была большая армия, формировать которую помогали немцы. Они же и вооружили ее, – к моменту отхода немецко-фашистских войск в армии было более 300 тыс. хорошо вооруженных бойцов. Правда немцы, поняв, что цель ОУН – создание независимой Украины, решили разоружить бойцов УПА и посадили Степана Бандеру в концлагерь, так что в 1943 году между немцами и УПА были стычки, и впоследствии ОУН и руководители УПА стали утверждать, что, начиная с 1943 года они воевали с немецкими войсками.

Это ложь. В военно-исторических архивах Германии не имеется данных, свидетельствующих о подрывных акциях формирований ОУН-УПА против гитлеровской армии. С августа 1943 г. УПА возглавлял офицер вермахта (гауптман) Роман Шухевич. В УПА он получил звание «генерал-хорунжий» и принял псевдоним «Тарас Чупринка».

Напротив, немцы вооружили УПА, чтобы противодействовать наступлению Советской армии.

С сайта <http://vlasti.net/news/68106>:

До 28 октября 1944 года – даты полного освобождения Украины от гитлеровцев УПА партизанскими методами боролась с Красной Армией и советской властью, сотрудничая с немцами.

После освобождения Украины борьба УПА с советским режимом перешла в новую фазу и приняла характер гражданской войны.

Необходимо признать, что возмущенное сталинскими предвоенными репрессиями и депортациями население западных областей Украины поддерживало УПА, что позволило ей вести вооруженную борьбу на протяжении длительного времени уже после окончания Второй мировой войны.

Повстанцы безжалостно расправлялись с советскими офицерами и солдатами, советскими и партийными активистами, которые попадали к ним в руки, учителями, направляемыми в Галичину из восточных областей Украины. <...>

Украинское подполье за период партизанской борьбы совершило 14424 акции, вследствие которых погибло 30676 военнослужащих, советских и партийных работников, хозяйственников, учителей...

Война с бандеровцами была ожесточенной. Берта Абрамовна все время жила в тревоге за жизнь Николая Исааковича. Весь год он постоянно уходил на операции и частенько бывал под пулями.

4-й класс в двух школах Прикарпатья

Жили они в Прикарпатье (Галиции): сначала в Надворной, Ивано-Франковской области. Через несколько месяцев, когда бандеровцев в этом районе разгромили, операции переместились в другой район, и Штерны переехали в Солотвино, Прикарпатской области.

Так что, в течение одного года Любочка училась в двух школах. Но четвертый класс закончила успешно.

По окончании 4-го класса Любочка получила Похвальную грамоту за отличные успехи и примерное поведение.

Еще немного о Прикарпатье и Бандере

Прикарпатье (почти полным синонимом являются также названия Галиция и Галичина) до 1940 года было в составе Польши. Карта была переименована, когда Германия в 1939 году напала на Польшу, начав Вторую мировую войну, разгромила ее и захватила.

В Восточную Польшу, которую теперь стали называть Западной Украиной и Западной Белоруссией, – по договору Советского Союза с Германией была введена Красная Армия.

А вскоре эти территории вошли в состав СССР. Это называлось тогда освобождением народов Западной Украины и Западной Белоруссии.

Далеко не всё население этого хотело. Поляков всех выселили, и часть их были отправлены в Сибирь. Многие украинцы вынашивали идею независимости, – за это и боролись бандеровцы, причём именно в Галиции.

Но методы у них были действительно бандитские: они расстреливали не только попавших в засаду военнослужащих, но и их жён и детей, у живых пленных советских солдат на спине вырезали звезды, а сотрудничавших с советскими властями людей вместе с семьями беспощадно убивали, дома же их сжигали. Я это знаю не из газет и интернета, а из рассказов Николая Исааковича Штерна, который всё это видел своими глазами.

Правда, теперь некоторые предпочитают на Украине, которая в 1991 году стала независимой, об этом помалкивать, бандеровцев считают воинами-освободителями, а Степану Бандере поставили во Львове (и в ряде других городов) памятник и присвоили звание «Герой Украины». Правда, Президент Янукович, пришедший на смену Ющенко, издавшему этот Указ, отменил его. Но памятники остались, как и названия улиц Бандеры в некоторых городах Галиции.

Чуть более подробно о бандеровцах

Приведу здесь сокращенное изложение очерка Григория Шехтмана «Еврей-бандеровцы: герои или заложники?», опубликованные под рубрикой «Точка зрения».²

Слово «бандеровцы» появилось в честь вождя украинских националистов Степана Бандеры. В преддверии Второй мировой войны в составленных и утвержденных им «правовых актах» ОУН под названиями «Манифест ОУН» и «Борьба и деятельность ОУН в период войны» предлагалось ликвидировать «нежелательные польские, московские и еврейские элементы», во всем же остальном в своих решениях опираться на «собственную националистическую совесть». На практике бандеровцы следовали следующей провозглашенной им директиве:

«Наша власть должна быть страшной!»

Она и была страшной, эта власть, осуществляемая сообща гитлеровцами и бандеровцами.

30 июня 1941 года, в первый же день своего вторжения во Львов, бандеровцы учинили в городе резню, завершившуюся уничтожением за три дня нескольких тысяч евреев, польской интеллигенции и советских активистов.

Очевидцы, описывающие эти зверства, были шокированы сочетанием украинского говора погромщиков и эсэсовских эмблем на их форме.

Затем уничтожение людей обрело вполне организованную форму. Массовые убийства разнообразились всякими «художествами». Вот, к примеру, свидетельство западного исследователя Александра Кормана:

В аллее старых деревьев они «украсили» ствол каждого дерева трупом убитого перед этим ребенка. Трупы прибывались к деревьям таким образом, чтобы создавалась видимость венка. Эту аллею они назвали дорогой к самостийной Украине.

Враждовавшие между собой в борьбе за верховенство различные группировки националистов («бульбовцы», бандеровцы, мельниковцы) всегда находили общий язык и взаимопонимание, когда дело касалось уничтожения евреев. Бандера, возглавлявший наиболее влиятельную фракцию ОУН, в день резни в Львове обратился к своим сторонникам с таким призывом: «Народ! Знай! Москва, Польша, Мадыяры, Жидва – это твои враги. Уничтожай их! Ляхов, жидов, коммунистов уничтожай без милосердия!» Ему вторил Андрей Мельник, руководитель другой фракции ОУН, в таком его воззвании: «Смерть жидовским прихвостням – коммуно-большевикам».

Проводя в жизнь эти призывы, украинские националисты в своей жестокости порой превосходили немцев, которым иногда даже приходилось останавливать своих ретивых коллаборационистов. В книге И. А. Альтмана «Жертвы ненависти» приводится такой пример. В селе Туров националисты беспрепятственно вырезали всех мужчин-евреев. Но когда они захотели сжечь заживо оставшихся женщин и детей, то немцы, не выдержав, воспротивились этому.

Не прошло и трех месяцев, как западно-украинские каратели объявились в Киеве. В романе-документе Анатолия Кузнецова «Бабий Яр» – не оговорка,

² В журнале «Народ мой» №4 (392) 28.02.2007, <http://ami-moy.narod.ru/A392/A392-041.html>

когда со слов очевидцев так описывается один из моментов расстрела евреев в Бабьем Яру“: „Украинские полицаи, судя по акценту – не местные, а явно с запада Украины, грубо хватали людей, лупили, кричали...

Кто мешкал, с того сдирали одежду силой, били ногами, кастетами, дубинками, опьяненные злобой, в каком-то садистском раже».

Приведу малоизвестный факт, касающийся караимов. Многие из них не идентифицировали себя евреями, хотя исповедовали иудаизм. Немецкие нацисты после некоторых колебаний решили их не уничтожать.

Украинские же нацисты, которым немцы отдали на откуп доставку киевских евреев к месту расстрела в Бабьем Яру, решили уничтожить и евреев, и караимов. Чтобы ни у кого не осталось сомнения в том, что этим больше занимались именно головорезы из ОУН, приведу выступление одного из депутатов Ровенского горсовета, прозвучавшее под аплодисменты его «единоверцев» в 1993 году: «Я горжусь (!) тем фактом, что среди 1500 карателей в Бабьем Яру было 1200 полицаев из ОУН и только 300 немцев».

Проживавшие в Западной Украине евреи, а их было около миллиона, физически не могли никуда эвакуироваться. Все они были согнаны в гетто местечек, городов, частично отправлены в концлагеря на территории Польши и в львовский Яновский концлагерь, а затем практически полностью были уничтожены. В одном только львовском гетто было уничтожено 136 тысяч евреев.

В книге историка Виталия Масловского «С кем и против кого воевали украинские националисты в годы Второй мировой войны» указаны те, кто помог расправиться с таким огромным количеством людей. Ими были, прежде всего, сельские старосты и их пособники, которые собирали евреев и отправляли в гетто; «украинская» полиция, которая не только арестовывала сотни тысяч людей, но и принимала участие в расстрелах; чиновники бургомистратов и целый ряд других коллаборационистов из среды украинского населения.

Всего за время трехлетней немецко-фашистской оккупации в западных областях Украины гитлеровцы при активной помощи украинских воинствующих националистов (или непосредственно силами ОУН-УПА) уничтожили свыше двух миллионов граждан, из них: около миллиона евреев, 200—220 тысяч поляков, свыше 400 тысяч советских военнопленных, свыше 500 тысяч местных украинцев.

К настоящему известно много о многочисленных преступлениях тех, кого собирательно называли «бандеровцы».

В семантических трюках с аббревиатурами и наименованиями разнообразных формирований украинских националистов искушены были далеко не все. Виктор Полищук в своей книге «Горькая правда. Преступления ОУН-УПА (исповедь украинца)» пишет:

«Мы не разбирались, кто в УПА, кто в другой группе – всех называли бандеровцами, так как они сами славили „вождя“ Бандеру». Впрочем, как показано ниже, нынешние последователи Бандеры тоже, не мудрствуя лукаво, предпочитают называть себя бандеровцами.

В начале войны в Западной Украине уже была одна УПА под названием «Полесская Сечь», но бандеровцы со временем ликвидировали эту конкурирующую с ними более слабую, но строптивую, структуру,

переняв у нее аббревиатуру УПА. Сторонники реабилитации УПА пытаются представить это формирование не только как непримиримого противника гитлеровцев, но и чуть ли не как защитника евреев. Однако многочисленные документы, в том числе архивные немецкие, позволяют восстановить подлинную картину того времени, выбивая почву из-под ног нынешних демагогов.

Когда к весне 1943 года бандеровцами была создана своя УПА, ее главнокомандующим по личному приказу Гимmlера был назначен гауптштурмбанфюрер СС Роман Шухевич (бывший командир диверсионно-разведочного батальона «Нахтигаль» со стороны украинцев), кавалер двух крестов и медали гитлеровской Германии, прибывший в гитлеровском обозе в первые же дни войны. Верхушка УПА состояла, главным образом, из офицеров Абвера. Вот как Шухевич, рекомендованный на свой пост Степаном Бандерой, наставлял головорезов возглавляемой им армии:

«К жидам относиться так же, как и к полякам и цыганам: уничтожать беспощадно, никого не жалеть. Беречь врачей, фармацевтов, химиков, медсестер; содержать их под охраной... Жидов нежелательных использовать для рытья бункеров и укреплений, по окончании работы без огласки ликвидировать».

Слова эти не расходились с делом. Костяк формирований УПА составили каратели, действовавшие перед этим в Белоруссии против советских партизан и белорусских крестьян, а также более четырех тысяч полицаев с Волыни и Полесья, набравшихся соответствующего «опыта» в расправах с поляками, евреями и теми же украинцами. В итоге уцелели, в основном, лишь те евреи, которые успели уйти в советские партизанские отряды Медведева, Федорова и Ковпака.

Так что, УПА в полной мере опиралась на идеологию ОУН и реализовала на практике ее политику руками тех, кто свой кровавый опыт обрел, пребывая в формированиях с другими наименованиями. Каратели и их пособники нигде не исчезли. Не их ведь уничтожали гитлеровцы...

Когда еврейский вопрос общими усилиями немецких нацистов и украинских националистов-бандеровцев был практически закрыт, а война близилась к концу, бандеровцы оружие складывать не собирались. Вот какие цели поставил Шухевич в конце войны:

«Добиваться, чтобы ни одно село не признало советской власти. ОУН должно действовать так, чтобы все, кто признал советскую власть, были уничтожены. Не запугивать, а физически уничтожать! Не следует бояться, что люди проклянут нас за жестокость. Пусть из 40 миллионов украинского населения останется половина – ничего страшного в этом нет».

Кортеж освободителя Киева генерала Николая Ватутина попал в засаду именно к бандеровцам, и был ими обстрелян. Генерал при этом был ранен и затем умер от ран.

Следует отметить, что поиски свидетелей зверств нацистов редко заканчивались успехом, поскольку они, как правило, тут же по-бандитски уничтожались (достаточно вспомнить огромные трудности летописца Бабьего Яра Анатолия Кузнецова в поисках редких свидетелей).

В свете этого выглядят прямо-таки наивными попытки некоторых совестливых авторов найти в поисках истины живых еще свидетелей этих страшных событий несколько десятилетий спустя. Тем более ценными

представляются добротные многолетние исследования тех авторов, которым удалось множество свидетельств добыть еще по свежим следам. Я имею в виду упомянутые выше книги исследователей Виктора Полищука и Виталия Масловского.

В книге В. И. Масловского «С кем и против кого воевали украинский националисты в годы Второй мировой войны», стоившей ему жизни, содержится критический анализ огромного количества источников информации (в ней около 350 ссылок), неоценимый для всех тех, кто заинтересован в исторической правде.

Ожог горячими щами

Любочка вспоминает такой случай.

Отец вернулся в какой-то воскресный день с операции, голодный.

Мама лежала в постели после «криминального» аборта (легальные абортс тогда были запрещены законом), и горячие щи для отца Любочка разогревала на кухне, располагавшейся на первом этаже в их двухэтажной квартире. они снимали второй этаж у хозяев дома, которые жили на первом.

Когда она несла их в столовую на второй этаж по винтовой лестнице, споткнулась и облила горячими щами руки, выпустила из рук кастрюлю, и горячие щи обожгли и ноги. Отец схватил её, во что-то закутал, поскольку дело было зимой, и быстро побежал на руках с ней в больницу.

Ближайшие в воскресенье были закрыты, и он отнес девочку в военный госпиталь, где ей оказали первую помощь и почему-то перевязали ожоги бинтами. Было больно, ожоги долго не заживали, и отдельные рубцы так и не рассосались.

Любочка говорит, что пальцы правой руки долгое время были малоподвижны, и писать ей было трудно. Раньше у неё был очень красивый почерк. В Актаныше учительница выдавала ей чистый лист *настоящей* бумаги, и Любочка писала чернилами буквы, эти листы были для других учеников прописями, – они старались скопировать эти буквы, учась правильно писать.

Вы, наверное, недоумеваете, почему, говоря о бумаге, я назвал её *настоящей*. Я не описался. Все ученики писали на газетной бумаге. Бумагу в школы давали в очень ограниченном количестве, и она была на вес золота. Газетная бумага промокала от чернил, и чернила расплывались, поэтому писать приходилось карандашом.

После ожога Любочка еле писала, и её записи были очень невнятные. Любочка говорит, что разработать пальцы ей помогла учительница русского языка Марья Ивановна, которой она очень благодарна за это. Марья Ивановна давала ей упражнения для пальцев, заставляла много писать. Пальцы постепенно ожили, и даже почерк восстановился. Хотя Любочка считает, что раньше её почерк был красивее.

Соляные шахты

И ещё одно яркое воспоминание осталось у неё на всю жизнь – соляные шахты в Солотвино. В шахтах добывали каменную соль. Сын хозяйки, восемнадцатилетний парень, секретарь комсомольской организации шахты, как-то взял Любочку с собой в шахту.

Когда они спустились в выработку, Любочка ахнула. Там было невероятное красиво. Соль вырубалась так, что оставались колонны и своды. Свет лампочек многократно отражался кристаллами соли, и казалось, что ты находишься в сказочном дворце.

Недавно одну из двух существующих шахт затопило, и сейчас обе шахты остановлены. Правда, предполагалось строительство новой шахты.

Переехали в Мукачево

Летом 1946 года Николая Исааковича Штерна перевели служить в Мукачево, и фактически для него и всей семьи только теперь закончилась война.

Мукачево находилось в Закарпатье, а там ОУН никогда не имела влияния. В Закарпатской Украине таких боев с бандеровцами, как в Прикарпатье, уже не было. Да и жили там русины, которые не считали себя украинцами.

Они говорили: «Мы руськи». А их дети учились вместе с Любой в русской школе. Их язык был не совсем русский, но и совсем не украинский.

Земли Закарпатья на протяжении веков отходили то одному государству, то другому. Они бывали в составе Польши, Австрии, Венгрии и Чехословакии.

Теперь после войны они как и Западная Украина были присоединены к Советскому Союзу и вошли в состав Украинской ССР.

– Лучше всего было при чехах, – говорили местные жители. – Кино каждый день показывали. Дома красивые строили. Культурная и заботливая власть была.

Природа была удивительно красивой, а весь город утопал в садах. Вдоль дорог росли фруктовые деревья. От Мукачево до другого города – Берегово было 30 км, и вдоль всей дороги росли слева – абрикосы, справа – черешня. Никогда раньше Любочка не видела так много фруктов.

Все фрукты перерабатывались. Фрукты вдоль дорог не были ничейными, у этих деревьев тоже были хозяева, но детишки рвали их без разрешения, – попросту, воровали. Хотя они так не считали. Ведь заборов-то не было. Подходи и рви. Поэтому иногда детям приходилось улепетывать от милиции, Любочка помнит, по крайней мере, один такой случай.

Жители Мукачево были приветливы и добры. До прихода Советской армии они не знали замков, дома не запирались, а велосипеды оставлялись без замков прямо на улицах. Теперь же появились замки и засовы.

Навестили оставшихся в живых

Летом 1946-го Николай Исаакович с Любочкой поехал в Ленинград, навестить родных, отдохнуть и развеяться.

В Ленинграде жили родители Николая Исааковича Исаак и Рива, жили там два брата: старший – Михаил и младший – Шаха и две сестры: старшая – Лена и младшая – Соня.

Двое братьев не вернулись с войны. Один из них, Яков, был убит в самом её начале, и в Ленинграде осталась его жена Маня с сыном Анатолием. Другой брат, Саша пропал без вести. Он не был женат.

Правда после войны его мать разыскала какая-то женщина с ребенком. Они долго о чем-то разговаривали, а потом та уехала, и никто больше о ней ничего не слышал. Вроде бы, она говорила, что отец её ребёнка – Саша. Рива шахновна, наверное, ей не поверила.

Старший брат Михаил вернулся с фронта весь израненный. У него была жена Анна дочь Фаина и сын Марк. А после войны родились дочери Стелла и Лена. Но здоровье его было подорвано, и он вскоре умер.

Младший брат Шаха (Соломон) женился в 1945 году, когда приехал домой на побывку из Чехословакии. У него с женой Норой родились дочь Тамара и сын Женя, но Шаха после войны остался служить в армии.

Младшая сестра Николая Исааковича Соня после войны вышла замуж за Абрама Мунвеза, он служил в группе Советских войск в Германии, и Соня была с ним. Так что, их пока в Ленинграде не было.

В Ленинграде жил и родной брат Берты Абрамовны Марк (Мейер) с женой Ириной, сыном Эдиком и дочерью Люсей. У Марка был еще один сын Леонид от первой жены, Кати, которые тоже жили в Ленинграде. Марк Абрамович прошёл всю войну.

Другой брат Берты Абрамовны Израиль с семьёй жил в Гомеле. Израиль во время войны служил в армии, а его жена Юдифь с двумя маленькими дочерьми Милой и Любой и старшим сыном Володей (Володя родился в 1929 г.) были в эвакуации в г. Бисертъ Свердловской обл. Оттуда Юдифь, нуждаясь сама, помогала Берте, посылая ей посылки с продуктами и деньги. (Юдифь родилась в сентябре 1908 г., а скончалась в 1959).

В Чечерске, где жило не одно поколение предков Берты Абрамовны, после войны из родных не осталось никого. Марк Абрамович как-то сказал своему сыну Эдику:

– Нас было 13 детей, а теперь осталось только трое. После войны никого в Чечерске не нашли. Никто туда не вернулся.

– Восемь моих сестер и братьев жили до войны в разных городах, и, – говорил дядя Марк, – после войны откликнулось только двое.

Из братьев, кто сгинул в лагерях, кто погиб в войну. Две сестры Оля и Рива жили в Ленинграде. Умерли ли в блокаду в Ленинграде, эвакуировались ли, как умерли, – никто не знает.

Так что, после войны из этой огромной семьи осталось трое: Берта и два её брата – Марк и Израиль.

Летом 1946-го с отцом в Ленинграде

Любочка и её папа, приехав в Ленинград летом 1946 года, остановились у бабушки с дедушкой на 7 линии Васильевского острова и побывали у брата Николая Исааковича – Миши. У него в ту пору было уже двое детей. До войны родились Фаина и Марк, но теперь намечался ещё один ребенок: вскоре родится – Стелла.

Забегая вперёд, напомним (я уже об этом писал), что потом у Миши с Анной родится ещё одна дочь – Лена.

Сестра Николая Исааковича Лена, жившая с мужем Гришей и детьми Лилей, и Мишей, с которыми Любочка была в эвакуации в Актаныше, как всегда, устроила обед, на который позвала всех родных. Она была очень гостеприимной и любила, когда у неё в доме собиралось много людей.

Съездили Люба с отцом и на дачу, где летом жила семья младшего брата Шахи. Это была дача отца Норы доктора медицины Клионского, работавшего во 2-м медицинском институте заведующим кафедрой и заведующим туберкулёзным отделением Больницы Мечникова. Нора пошла по стопам отца и тоже была врачом, но не пульмонологом, а гинекологом. На даче жила мать Норы – Неха Аароновна и подрастала дочь Шахи и Норы – Тамара. Она впоследствии тоже пошла по их стопам – стала врачом-рентгенологом.

Навестили Маню, жену погибшего на войне брата Яши. Она жила с сыном Толей.

Навестили они и брата Берты Марка. Он вернулся с фронта, где служил в агитационной части. Они подбирались как можно близко к позициям немцев, и дядя Марк, хорошо владевший немецким языком, призывал по громкоговорителям противника сдаваться. При первых же звуках начинался интенсивный обстрел позиции радиовещательной станции, так что они фактически вызывали огонь на себя. Это просто чудо, что дядя Марк уцелел на войне. Сейчас он работал в полиграфическом техникуме преподавателем математики.

Школа в Мукачево – 5-й класс

Лето 1946-го прошло, как один день.

Наступил новый учебный год, и Любочка начала учиться в новой школе, пятой по счёту, в Мукачево в пятом классе.

Она помнит, как не знала, что делать со своими буйными кудрявыми волосами. Никаких резинок для волос тогда не было и в помине, Ленточек у Любочки тоже не было. Тогда она выдернула из половика толстую нить и перевязала два пучочка волос вверху слева и справа, как два тюльпанчика.

Она думала, что никто не поймет, что эти нити из половика, но её одноклассницы это заметили. Правда, сказали ей об этом спустя год, когда они уже подружились.

Самолюбие и вешалка

В Мукачево семья Штернов сначала занимала половину просторной квартиры на первом этаже жилого дома. В другой половине жила семья папиного сослуживца и друга – Абрама Яковлевича Керпера. С ним и его женой Евой Яковлевной они дружили потом всю жизнь. Их дочка Нета была младше Любы года на три. Впоследствии, когда Керпер закончил службу в Армии, их семья переехала в Ленинград, и они подружились с родственниками Штернов.

Любочка прожила в Мукачево более четырех лет (5—8 классы). Семья Штернов была дружной. Но инциденты случались. Иногда папа был недоволен Любой и говорил, стараясь быть серьезным:

– Положу Вову на Любу и буду бить Вову, пока Любе не станет больно.

Если же в чем-то виноват был Володя, папа чуть менял слова:

– Положу Любу на Вову и буду бить Любу, пока Вове не станет больно.

Но на самом деле, Любочка не помнит, чтобы папа когда-нибудь дал ей пощечину или каким-то образом побил ее.

Впрочем, Любочке запомнился такой эпизод. На письменном столе у нее был беспорядок. Папа сделал ей несколько замечаний, просил навести порядок.

Поскольку Любочка проигнорировала его просьбы, он однажды смахнул все со стола на пол и сказал Любочке:

– Вот теперь ты наведёшь порядок.

В Любочке разыграло самолюбие:

– Сам смахнул, сам и убирай.

Такую грубость спустить было нельзя. Папа поймал Любочку. Поискав глазами ремень и не найдя его, папа попросил Вову принести что-нибудь, чтобы наказать Любу.

Шестилетний Володя с готовностью принёс деревянную вешалку для верхней одежды, т.е. доску со штырями, которая стояла на полу в прихожей, ожидая, пока ее повесят на стену.

Вот это воспоминание о том, что Вова с готовностью принёс этот деревянный предмет, чтобы папа ее поколотил им, остались у Любочки на всю жизнь, как предательство со стороны Володи. На папу она не обиделась, потому что он был прав.

Сегодня Любочка даже и не помнит, ударил ли её папа этой вешалкой или нет. Она говорит, что, может быть, папе даже стало смешно, что ему дали в руки вешалку, чтобы поколотить ее, и всё обошлось.

Любимые и нелюбимые учителя

Обучение в школе велось на русском языке, но изучались еще два языка – украинский и английский. На украинском учили стихи Тараса Шевченко, большие отрывки прозы.

Любочке запомнились оба учителя языков. Дора Ивановна была учителем украинского языка, который ни в Надворном, ни в Солотвино Любочка не изучала. Дора Ивановна сразу невзлюбила Любу. Дело в том, что Любе показалась смешной фраза на украинском языке:

– Именник – це такий вареник, злізлений з тіста; його можна з'єсти.

Она тут же, не задумываясь, пустила по рядам записку с этой фразой. Дора Ивановна выловила эту записку и с тех пор невзлюбила Любу. А поскольку Дора Ивановна была ещё и классным руководителем, придиркам было несть числа. В классе училось 22 школьника, и они себя называли: «22 шакала и одна ведьма». Ведьмой была Дора Ивановна.

А вот преподаватель английского языка был любимым учителем. И не потому что английский язык нравился, а потому что нравился сам преподаватель. Но вот, как зовут его, Любочка не помнит. Он был молодой, высокий и ходил в шортах, что было весьма необычно и непривычно. По-русски говорил с каким-то акцентом, но не с украинским. Был очень деликатен и на школьников не обижался. Им было по пути домой, и Любочка любила идти с ним из школы, разговаривая на «серьезные темы». Любочке было приятно, что с ней говорили, как со взрослой.

Но вот однажды кто-то на его уроке подсказал отвечающему у доски. Любочка часто подсказывала, но это ей сходило с рук. А тут подсказала не она, а учитель подумал на нее. И поставил ей за это двойку. Такую несправедливость Любочка вынести не могла. Не могла она и выдать того, кто подсказал, хотя и знала, кто это сделал.

Дальше было так. Когда учитель спрашивал класс, кто знает ответ на какой-либо его вопрос, в классе, как правило, никто не знал, кроме Любочки, и она поднимала руку. Учитель просил ее ответить, но она поднималась и говорила: «Не буду». И так бывало не один раз и не два. Это была месть за несправедливость. Учитель её не наказывал. Да и вместе из школы они продолжали ходить. А итоговая оценка у Любочки по английскому языку была «отлично».

Музыка

В начале сентября 1947 г., когда Любочка начала учиться уже в 6-й классе, она осталась в школе-интернате, куда на время своей поездки с Володиёв в Ленинград, и Гомель ее определили родители. И вот тут Любочка проявила самостоятельность.

У неё была мечта – научиться играть на любом музыкальном инструменте.

– Ну купите мне любой инструмент, – хоть скрипку-четвертиночку, – не один раз умоляла своих родителей Любочка.

Мама даже зачем-то водила ее на прослушивание в музыкальную школу, и там сказали, что у этой девочки безусловно есть музыкальные способности, и, если она не будет заниматься музыкой, это будет очень плохо.

Мама ушла, удовлетворенная, но в школу Любочку так и не записала.

Теперь, когда Любочка была предоставлена себе самой, она решила осуществить свою мечту. В музыкальной школе, куда она пришла, ей сказали, что уже поздно, – прием был до 1 сентября, но, прослушав её снова и обнаружив наличие музыкального слуха, а, может быть, и подивившись её настойчивости, как же ребенок пришел сам записываться в школу, её взяли и даже бесплатно, – денег-то у неё не было.

Любочка ходила счастливая и только музыкой и занималась. Поскольку в школе-интернате пианино не было, она через весь город в любую погоду ходила в Дом культуры и часами разучивала детские фортепианные пьески. Так продолжалось два месяца.

Приехав домой, родители обнаружили ребенка, совершенно запустившего учёбу в обычной школе и нахватавшего там троек и даже двоек.

Они, к великой её печали, забрали её из музыкальной школы, и Любочка всю жизнь горевала об этом.

Любочка летом 1949 г.

Учиться музыке ей не пришлось больше никогда. А как она всю жизнь сожалела, что не умеет играть и не знает нотной грамоты!

Любочка впоследствии сочинила музыку к двум десяткам песен на слова её любимых поэтов.³

Это удивительные песни, яркие, запоминающиеся. А сколько песен возникло в её голове, а потом забылось только потому, что она не смогла сразу записать их!

³ Записанные песни Любочки можно посмотреть на сайте <http://proza.ru/2013/01/02/611>.

Сейчас осенью 2013 года по субботам к нам привозят с утра правнучку Дианочку. Она у нас занимается музыкой – она учится в музыкальной школе на фортепиано. Люба занимается с ней.

А в понедельник после школы Дианочку привозят к нам, и Люба отвозит её на урок в музыкальную школу. Теперь Люба решила и сама позаниматься, и она подсаживается к инструменту, играя гаммы и разучивая пьески, которые задали Дианочке.

Её детское желание заниматься музыкой сбылось на 80-м году жизни.

Школьная подруга Рита Коренец

Самой близкой подругой у Любочки была Рита Коренец, с которой они вместе учились. Рита жила в центре города на ул. Ленина в большой квартире. Папа у нее был лётчиком, а все летчики получали в качестве усиленного питания шоколад.

– Он приносил его домой килограммами, – говорит Любочка.

Я не помню шоколада ни в военные голодные, ни в послевоенные полуголодные годы. Поэтому сейчас, когда я пишу эти строчки, не могу себе представить килограммы шоколада в обычном доме.

Представляю себе, какое впечатление эти килограммы произвели на Любочку.

После переезда с окраины города в центр Любочка проводила у Риты дома бóльшую часть времени. Они и занимались, и развлекались вместе.

В те годы время от времени дома обходили продавцы-разносчики орехов, яблок, груш, черешни, вишни. Товар лежал у них в больших заплечных корзинах. Ритина мама расстилала на полу простыню, и продавец рассыпал на неё продукты из своей корзины.

Любочка (справа) с друзьями

Любочка до сих пор помнит, как вкусно было есть, например, шоколад с грецкими орехами, которые в изобилии лежали на простыне.

И ещё одно воспоминание о семье Риты. Вечер. Все сидят на диване и смотрят какую-то передачу по появившемуся совсем недавно телевизору.

В те времена в домах стоял небольшой с черно-белым экраном телевизор «Рекорд». Других не выпускали. Перед диваном расстелена простыня. Все лузгают жареные семечки подсолнуха, сплёвывая шелуху на простыню.

Любочка рассказывает, что в кинотеатрах в Мукачево во время киносеанса все зрители тоже лузгали семечки, сплевывая их прямо на пол. Попкорн тоже был, но все предпочитали семечки. Потом после сеанса шелуху выметали в больших количествах. В кино тогда ходили часто, тем более, что в кинотеатрах шли замечательные «трофейные» фильмы, которые смотрели по многу раз.

Когда Любочка уходила из дома, она, как послушная девочка, всегда спрашивала у мамы разрешения.

– Хорошо, – говорила мама, – только возьми с собой Володю.

Двум подружкам Володя совсем не был нужен, хотя Любочка, несмотря на то, что страдала от его проделок, очень его любила и всё ему прощала. А вот заходившая за Любочкой Рита, когда Володя начинал канючить: «Я пойду с вами...», не выдерживала и, показывая ему скакалку, которую держала в руках, говорила:

– Не смей за нами идти, а то повешу на первой подворотне.

Володя все равно шёл сзади за ними, но на некотором отдалении.

В 1947 году Володя ещё не ходил в школу. У него было много друзей, но он все равно тянулся к Любочке, которая была для него второй мамой.

Велосипед

После окончания 7-го класса, вместо музыкального инструмента, о котором мечтала Любочка, папа купил ей велосипед, – большой красивый «Диамант» с белыми шинами, с ручным и ножным тормозом, со светом спереди и сзади. Очень дорогой. Ни у кого здесь такого не было.

Семья Штернов: Мать – Берта Абрамовна Штерн (Коган), отец – Николай Исаакович Штерн, Володя и Любочка. снимок сделан в Мукачево. Снимок вокруг велосипеда.

– Это полезнее для здоровья, – сказал папа.

Велосипед был замечательный, и Любочка каталась на нём с удовольствием, хотя он и не мог заменить ей музыкальный инструмент. Кстати, скрипочку можно было купить дешевле велосипеда.

Дневник

Начиная с пятого класса, Любочка вела дневник. Многие школьницы в этом возрасте ведут дневники, записывая в них всякую чепуху: глупые стишки, важные события, кто на кого и как посмотрел.

Теперь уже мы никогда не узнаем, что было в дневнике у Любочки. Она говорит, что ничего интересного там не было. В чём я несколько сомневаюсь. У Любочки, как раз, могли быть интересные наблюдения и мысли.

И этот снимок сделан в Мукачево.

Уже в седьмом классе Любочка как-то услышала, как её семилетний брат Володя рассказывает своим приятелям о том, что написано в её дневнике: с кем Любочка встречалась, что она о ком-то думает, какие чувства испытывает, и бог знает, что ещё было записано у девочки-подростка.

Любочка думает, что дневник нашла её мама и тайно читала его. Скорее всего, она оставила его на время на виду, а Володя раскрыл и прочитал.

Обнаружив это, Любочка немедленно уничтожила свой дневник и до 1982 года дневников не вела. Пока Рита Яковлевна Райт-Ковалева, с которой она была дружна в последние 22 года жизни Риты Райт, не подвигла её снова начать делать записи в дневнике:

– Любочка, это так просто. Придите домой и запишите: «Сегодня я была у Риты Райт».

Любочка так и сделала. Пришла домой и записала:

– Сегодня я была у Риты Райт.

У Любочки сегодня обширные и очень интересные дневниковые записи. Некоторые из них она ввела в свой компьютер, но пока не публикует. Другие ждут своей очереди.

И это она, уже повзрослевшая

Паспорт

В марте 1950 года, когда Любочка училась уже в 8 классе, ей исполнилось 16 лет, и она получила паспорт. Фотография для паспорта сохранилась.

О такой квартире можно только мечтать

Любочка рассказывала мне, какие красивые просторные коттеджи были в Мукачево. В таких коттеджах она не только не жила никогда в жизни, но раньше даже их и не видела.

Любочка (справа) с подругами. Все три отличницы.

Но и их квартира в доме, построенном чехами, была великолепна. Дом был трехэтажный. Снаружи были жалюзи от солнца. Любочка запомнила, что в ней было 8 окон и 11 дверей. Запомнила, потому что ей приходилось их мыть. Пол был паркетный. В ванну было два входа – из коридора и из спальни. Кроме того, был еще один туалет в коридоре и несколько кладовок. Была даже комната для прислуги. Из кухни был выход на балкон.

Последнее фото Любочки в Мукачево – 25 мая 1950 года незадолго до отъезда на Сахалин.

Семья Штернов два раза переезжала с квартиры на квартиру, и под конец своего пребывания в Закарпатье они поселились в большой и солнечной квартире, в доме, построенном чехами во время их короткого владения этими землями.

Берта Абрамовна, уезжая на Сахалин, покидала эту квартиру с большим сожалением.

– Подумаешь, квартира. Там тоже дадут, – сказал ей Николай Исаакович.

Любочка очень хотела взять с собой велосипед.

– Где ты там на Сахалине будешь ездить? По тайге, что ли? – спросил папа. Велосипед они перед отъездом продали, и больше у Любочки велосипеда не было, хотя в Южно-Сахалинске он бы пригодился.

Глава 2. Юность

Люба Штерн, стоит слева (1950). В комитете комсомола школы на Сахалине: обучение пионервожатых.

С запада на восток через всю страну

*Ну что тебе сказать про Сахалин?
На острове нормальная погода...*

Михаил Танич

Любочка проучилась в девятом классе в Мукачево только месяц. В 1950 году Николая Исааковича перевели служить в пограничные войска на Сахалин. Но там граница была морская, и пограничники были моряками. На Николая Исааковича надели погоны, свидетельствующие, что он имеет отношение к морю, выдали морской китель и кортик, хотя его чин, по-прежнему, был не капитан третьего ранга, как у моряков, а майор. А звали его «капрангом».

Дорога от Мукачево до Сахалина была долгой и мучительной. Ехали на поезде до Владивостока, там ждали теплоход, и на красавце-теплоходе «Ломоносов» приплыли на остров. После Урала начали продавать кедровые орешки. Все их накупили и потом грызли всю оставшуюся дорогу. Проводник разрешил щелкать их прямо на пол и потом выметал груды шелухи. Орешки были вкусны, раньше Любочка их никогда не пробовала.

Запомнились тоннели. Когда проезжали тоннель, откладывали спичку, на втором коробке спичек сбились со счета. Поезд долго шел по самому берегу Байкала, часто останавливался, и люди высыпали из вагонов и любовались красотой этого удивительного озера.

Красавец-теплоход и само плавание по Японскому морю в октябре запомнилось Любочке на всю жизнь. Они плыли трое суток, и в первый же вечер закат солнца поразил Любочку своей красотой. И всем последующим закатам, и восходам она любовалась с самой первой минуты восхода, когда краешек солнца появлялся из воды и первые лучи вырывались из-за толщи вод, и до последней минуты заката, когда казалось, что огромный раскаленный шар садится в воду, и гас последний луч, уходя под воду.

Но не забыть Любочке и ожидания во Владивостоке, где толпы людей ожидали возможности сесть на какое-нибудь судно месяцами, писали письма во все инстанции и «лично товарищу Сталину».

Николаю Исааковичу, как майору-пограничнику, которому было необходимо прибыть на службу, и то пришлось десять дней ждать. А куда деваться, если нет пароходов.

Пароход, который, наконец, пришел, люди буквально осаждали. Для пассажиров на нем все грузовые трюмы были оборудованы спальными местами. Штернам достались места в твин-деке. Это задний грузовой трюм. Огромное помещение было забито людьми, лежащими на трехэтажных койках типа гамаков. В море качало, и многие пассажиры немедленно заболели морской болезнью и их вырывало тут же рядом, запах стоял невыносимый. Дышать в трюме было невозможно.

Берта Абрамовна всегда была чувствительна к качке, – даже в поезде и автомобиле ей становилось плохо и ее рвало. А тут рвота была непреходящей все трое суток, что они были на теплоходе. Любочку тоже рвало, но она все дневное время проводила на палубе. Свежий воздух обвевал ее, и было легче. Она глядела на океан и танцевала. Все же время от времени ее рвало, и тогда она склонялась над поручнями и крепко держалась за них, пока ее выворачивало наружу, прямо за борт. А потом снова танцевала.

Переезд занял целый месяц, так что Любочка начала учиться в 9-м классе только со второй четверти, сразу после ноябрьских праздников.

Чудесное исцеление в полнолуние

Во время нескончаемо длинной поездки с западной границы на восточную в жизни Любочки произошло одно чудесное событие.

О нем, как и обо всем остальном, я рассказываю с Любочкиных слов.

Когда я смотрю на Любочкины фотографии той поры, мне так и хочется сказать: не «Юная девушка» или «девочка», а другое, более подходящее слово – «девуленька». Такая у нее была ясная красота, такой ласковый доверчивый взгляд, такие от нее исходили волны чистоты и невинности, обаяния и нежности.

И вот у этого символа юной добродетели на правой руке – на тыльной стороне кисти и большом пальце многие годы красовались большие бородавки. Отнюдь не украшение для юной шестнадцатилетней девушки. Как и когда, а главное, почему они вдруг возникли? Или это было какое-то божье наказание?

– За что мне такое?! – думала Любочка!

Она стеснялась подавать руку, здороваясь с людьми, прятала руки за спину.

– А вдруг кто-нибудь захочет поцеловать ручку, – думала она, – и вдруг увидит эти безобразные бородавки!!

Было от чего переживать, если не отчаиваться.

И вот, по дороге на Сахалин в поезде одна женщина, увидев эти бородавки, сказала Любочке:

– От них можно легко избавиться. Пописай на них в полнолуние.

Конечно, с точки зрения здравого смысла верить в такие знахарские методы было глупо, а комсомолке, атеистке, какой она была в те далекие времена, даже стыдно. Но ведь никаких других способов избавиться от бородавок в природе не существовало. Поэтому в голове у Любочки эта мысль засела:

– А вдруг они исчезнут?

Через несколько дней, когда они плыли из Владивостока на Сахалин, как раз было полнолуние. И Любочка, сердясь на себя за проявление такого невежества, и не очень веря в чудо, но все же надеясь на него, пописала на руку при свете полной луны.

К ее глубокому удивлению, когда она взглянула через несколько дней на руку, бородавок там не было. На тех местах, где они сидели, остались только малозаметные следы. Это было чудо. Понимание того, что бородавок на руке больше нет, стало потрясением. Любочка была очень счастлива, но в то же время очень смущена тем, что стала, как ей показалось, невольной участницей какой-то мистификации. Даже вчера она рассказывала мне об этом с некоторым смущением.

Я эту историю впервые услышал от нее более 25 лет назад. По-моему, тогда она раздумывала, рассказать мне это или не рассказать. А вдруг я не поверю?

Оказывается, чудеса все-таки случаются в нашем мире.

В военном городке на окраине Южно-Сахалинска

Город Южно-Сахалинск в те времена был небольшим. От окраины до центра города, где была школа, идти пешком было полчаса. Двухэтажным тогда было всего одно здание в городе, все остальные дома были одноэтажными.

Южная часть Сахалина и Курильские острова были захвачены Японией в ходе Русско-японской войны в 1904 году. Они стали снова принадлежать Советскому Союзу лишь в 1945 году после победы над Японией. Семья Штернов приехала в Южный Сахалин, когда прошло только пять лет с окончания войны.

В южной части острова раньше жило много японцев и корейцев, но теперь уже японцев не было, да и корейцев жило немного, остались только дома-пагоды.

У города Южно-Сахалинска история небольшая. В 1882 году на месте, где сейчас находится город, было село Владимировка. Когда там появились японцы, они называли это селение Тоёхара.

Прошло уже 65 лет, но до сих пор Япония, с которой так и не заключен мирный договор по окончании войны, требует обратно Курильские острова, которые она считает захваченными у нее.

Семью Штернов поселили в военном городке на окраине города. Они не только не получили такой квартиры, как в Мукачево, они вообще не получили отдельной квартиры. Не было свободных квартир для офицеров в воинской части. Им предоставили маленькую комнатку, не больше 8 кв. м. Внизу под комнатой была прачечная, а в полу – щели, и все испарения проходили в жилую комнату, где порой и дышать было нечем.

Заниматься в такой комнате было трудно, и Любочка уходила делать уроки в офицерскую столовую. Молодые лейтенанты, выпускники училищ всегда были тут, как тут. Они садились напротив и, заглядывая в глаза, пытались заговоривать. Лучше всего было не отвечать. Любочка так и делала.

К Новому году жить стало легче – им дали отдельную квартиру в одноэтажном доме с отдельным входом. Хуже, конечно, чем в Мукачево, но лучше, чем было. Эта квартира тоже была на территории военного городка.

Школа, одноклассники и подруга

В школе на Сахалине Любочка училась два года – в девятом и десятом классах.

Вначале ее определили в 9-б класс. Она до сих пор вспоминает о ребятах и девочках этого класса с содроганием.

Мальчики с легкостью могли дать любой девочке пинка под зад, а девочки столь же легко могли дать такого же пинка мальчикам. Вот такие были «простецкие» отношения. Для Любочки это было совершенно неприемлемо. Она пристально глядела на мальчика, который только намеревался дать пинка не обязательно ей, но любой другой девочке, и под этим взгля-

дом и мальчики, и девочки стеснялись это делать. Но стоило Любочке отвернуться, и эта «игра», которую правильной было бы назвать распущенностью, немедленно возобновлялась. За ее «чистоплюйство» Любочку осуждали.

Любочка приехала на Сахалин, будучи отличницей. Здесь же, пропустив первую четверть, попав в новый класс, не имея возможности полноценно заниматься дома, Любочка во вторую четверть нахватала троек. Иногда на уроках она начинала засыпать оттого, что дома могла готовиться только по ночам. А тут ее ещё, немедленно определили пионервожатой к младшеклассникам, и она отдавала им много времени.

Из военного городка в школу надо было идти минут 25—30. Этот путь Любочка проделывала вместе со своей подругой Инной Миниович, дочери папиного сослуживца, которая тоже жила в военном городке и училась в параллельном классе.

– Переходи к нам в класс, Любочка, – говорила ей Инна. – У нас в классе ничего такого нет. Нормальные ребята и нормальные девчонки. И Любочка решилась. Она пошла к директору и попросила перевести ее в 9-а класс.

– С какой это стати я должен тебя переводить? – спросил директор. – Все классы одинаковы.

Любочка не стала говорить ни о распущенности в классе, ни о плохом отношении к ней, а просто сказала:

– Я обещаю Вам, что тогда я буду учиться без троек.

С третьей четверти она уже училась в одном классе с Инной Миниович.

История с географией

Воспитательницей в классе была невысокая и неприметная сухонькая женщина, имя отчество которой Любочка не помнит. Относилась она к Любочке хорошо, и, видимо, умела создавать в классе уважительную рабочую атмосферу. Здесь в помине не было хамства и панибратства. И Любочка сразу выправилась.

Переход в другой класс совпал и с переездом в отдельную квартиру, появилась возможность нормально делать уроки, и в дневнике Любочки снова замелькали пятерки и четверки.

Вот только с двумя предметами она справиться не могла – с историей и географией. Как когда-то ботаника, эти два предмета были для Любочки непреодолимы.

Историчка Виктория Карловна

Историю преподавала Виктория Карловна, которая очень хорошо относилась к Любочке, но видела, что та еле высиживает у нее на уроках. Муж ее, Павел Ионович, был преподавателем литературы и тоже вел занятия у Любочки. Двое их детей часто оставались без присмотра.

– Поди, Любочка, посиди с ними, – частенько говаривала Виктория Карловна, – но к объяснению обязательно приходи.

Когда она начинала «объяснять», все сидели «раскрыв рты», так живо и захватывающе она рассказывала об исторических событиях. Все же годовая отметка по истории была только четверкой.

Полюбила Маяковского

Павел Ионович, преподаватель литературы, любил литературу и привил Любочке любовь к ней. Он умел преподнести литературу так, что весь класс сидел с горящими глазами и внимал ему, затаив дыхание. Хотя лирических стихотворений и поэм в школьной программе почти не было, Павел Ионович так рассказывал о поэзии и поэтах, что в глазах Любочки и сегодня они

люди особой породы, особого видения. Рассказывая о Маяковском, он создал такой его образ, что Любочка полюбила Маяковского на всю жизнь. А когда впоследствии Любочка прочитала его «Облако в штанах», обрадовалась, что Маяковский оказался еще и великим лирическим поэтом.

Домашнее сочинение по Маяковскому получилось у Любочки на 12 страницах.

– Что ты все сидишь и пишешь? – сказал ей отец. Он оглядел разбросанные вокруг нее книжки, взятые в библиотеке, многочисленные закладки в книгах, записи на листках бумаги и в тетрадках. – Ты что, писательницей хочешь стать?

Не верилось тогда ему, что у Любочки будет замечательный слог, ясное и образное изложение мыслей. Ее газетные и журнальные статьи всегда вызывали восхищение и поток одобрительных отзывов. Она вполне могла бы стать и профессиональным писателем.

Танцы с постоянным партнером

В школе был кружок бальных танцев. Любочка обожала танцы, и в Мукачево танцевала фокстрот, танго, линду и другие западные танцы. Там это разрешалось.

На Сахалине все это танцевать было запрещено. Поэтому в школе разучивали па-де-па, па-де-патинер, мазурку, полонез и другие бальные танцы. В первый же свой приход в кружок Любочке повезло – постоянная партнерша одного из мальчиков – Юры Горшкова – в этот день отсутствовала, и он пригласил Любочку танцевать с ним.

– Девушка в красной кофточке, – услышала она к своему стыду голос преподавательницы танцев, – почему Вы держите руку кочергой? К несчастью, красная кофточка была именно на Любочке. Она стерпела, но на всю жизнь запомнила.

Видимо, Юре Горшкову понравилось, как танцует Любочка, потому что в следующий раз, несмотря на то, что его постоянная партнерша пришла на занятие, он предложил Любочке снова танцевать с ним. Так они и танцевали вместе до самого окончания школы.

Они договорились друг с другом, что, если кто-то из них захочет разок-другой потанцевать с каким-либо другим, партнер не будет этому препятствовать. Юре нравилась Инна Миниович, он вздыхал по ней, но танцевал с Любочкой. Любочке пока никто не нравился, и она ни по кому не вздыхала, но любила танцевать с Юрой. За короткий период, всего за год-полтора, они стали третьей по силе парой в школе.

Зная Любочку, я могу с уверенностью утверждать, что она танцевала самозабвенно, и была в эти минуты безмерно счастлива.

Концерт для родителей

Инна Миниович хотела быть педагогом и считала, что это ее призвание. Любочка же полагала, что у нее (не у Инны, а у Любы) недостает терпения заниматься с детьми. Она думала, что не должна заниматься этим профессионально:

– Если они будут плохо себя вести, я буду их убивать, – говорила Любочка.

Она ошибалась. Я не знаю, каким педагогом стала Инна, поступившая в педагогический институт, но вот то, что Любочка – Педагог и Учитель (с большой буквы) я имел возможность убедиться не раз и не два. У нее проявился потрясающий талант Педагога.

В те годы на Сахалине у Любочки уже закладывались основы педагогического опыта и мировоззрения — зимой Любочка в качестве пионервожатой нянчилась со своим пионерским отрядом младшеклассников, а летом они с Инной решили подготовить концерт с детьми военнослужащих. Обе возились с маленькими артистами, занимались с ними речью, дикцией, диалогами, песнями, разучивали сценки.

К концу лета подготовка была завершена. Здесь же в клубе состоялся отчетный концерт. Он имел бурный успех. Любочка и Инна тоже были довольны:
Получилось!

Вову привязали к кровати

Это тоже семья Штернов вскоре после приезда на Сахалин. Слева направо: Володя, Берта Абрамовна, Люба и Николай Исаакович

В клубе на территории воинской части по субботам и воскресеньям показывали фильмы. Сегодня тоже было три сеанса – в 6, 8 и 10 часов вечера. Любочка и Инна делали уроки, но к 10 часам освободились и решили пойти на последний сеанс.

– Я пойду с вами, – сказал Володя.

– Я не разрешаю, – сказала мама.

Ты еще маленький ходить на 10-часовой сеанс, – добавила Люба.

Володя по обыкновению стал канючить, стараясь вызвать жалость к себе. Первой не выдержала мама:

– Да возьмите вы его с собой, – сказала она. Ей было все равно, лишь бы Володя перестал канючить и не приставал к ней.

– Мама, это не педагогично, – сказала Люба. – Ты уже запретила ему идти в кино. Если один раз сказали нет, надо выдержать слово, а то в другой раз он будет знать, что он может снова выклянчить разрешение. Кроме того, нельзя маленьким идти на последний сеанс.

Мама, ничего не сказав, вышла из комнаты, а две подруги, не убедив ни в чем Володю и исчерпав свои педагогические возможности, прибегли к крайней мере: привязали бедного Володю полотенцем к спинке кровати, хотя он вырывался изо всех сил и рычал на них, как зверь.

Так и ушли в кино, оставив 10-летнего мальчика, привязанным к спинке кровати. Когда Любочка рассказывала мне этот эпизод, она несколько раз подчеркнула – «полотенцем». Пони-

маешь, не веревкой, не ремнем, а полотенцем. Привязать полотенцем все же, видимо, было с ее точки зрения более гуманно.

Да-а, призвание к педагогике не уберегает от сомнительных педагогических приемов, а впоследствии от поиска смягчающих обстоятельств.

Пурга под Новый 1952 год

На Сахалине зимой часто бывают бураны, снежные бури. Внезапно поднимается ветер и гонит колючую снежную пыль, сбивая с ног путника, застигнутого им, заставляя его пригнаться к земле, не давая ступить ни шагу. Теряя ориентировку, не понимая, в какую сторону ему надо идти, он становится жертвой этого бурана – пурги, как именуют ее местные жители.

30 декабря школьники, а вместе с ними Любочка Штерн и ее подруга Инна Миниович наряжали в школе елку, готовили школьный зал к встрече Нового 1952 года. Неожиданно поднялся ветер, – началась пурга. Сильный ветер со снегом быстро засыпал все дороги и намел сугробы. К ночи ветер стих, но идти домой в темноте по засыпанному снегом городу, а потом по пустырю между окраиной города и военным городком было бы тяжело и даже опасно. Девушки решили задержаться в школе до рассвета. Они позвонили домой к Миниовичам, у которых дома был телефон, и те зашли к Штернам и предупредили их.

Утром, когда рассвело, девочек взялись проводить домой двое юношей – Юра Горшков из 9а и еще один юноша, питавший некоторые надежды на Любочкину взаимность – Юра Садовников из 10-го, высокий юноша с артистической внешностью, о котором шла слава покорителя девичьих сердец. У Любочки он не вызывал никаких чувств, кроме легкой досады на его настойчивое внимание.

В те годы снегоуборочной техники в Советском Союзе не было вовсе, даже в таких городах, как Москва и Ленинград. Что уж тут говорить о Южно-Сахалинске. Улицы расчищались вручную и медленно. Юношам пришлось прокладывать дорогу в снежных сугробах, нанесенных вчерашней пургой. Это было непросто, – они были в ботинках, и снег набивался им под брюки. Девушки были в валенках, им было легче идти за юношами. Они старались ступать след в след, но снег все равно набивался через верх валенок, заполняя все щелочки между валенками и чулками. Так вчетвером они и прокладывали путь домой. Дорога, которую они проходили обычно за полчаса, заняла минимум вдвое больше времени. Наконец, вся компания зашла в квартиру Штернов.

Все были дома, и Николай Исаакович, глядя на замерзших ребят, предложил им снять обувь и просушить ее, а самим принять для разогрева по «стопочке» водки. Он налил ребятам водки в стаканы, но наливая, чуть пролил ее на хлеб того юноши, который пытался ухаживать за Любочкой. Разумеется, не нарочно, просто дрогнула рука.

Любочка это видела и про себя отметила, что, наверное, это будет ужасно. Увидела, но промолчала. Закусывать водку хлебом, смоченным водкой – действительно, суровое испытание. Эти ребята были к водке непривычны. Они не умели пить водку залпом, а пили ее небольшими глотками. Немедленно взяв хлеб, они отправили его большими кусками в рот, чтобы перебить неприятные ощущения от водки. Хлеб, смоченный водкой, вызвал у Юры Садовникова произвольные рвотные спазмы. Он еле сдержал их. На глазах у него выступили слезы. Он закрыл лицо руками и побежал к туалету, который, к счастью, был в доме, а не на улице.

К слову сказать, после этого эпизода, к радости Любочки, его чувства к ней прошли. По крайней мере, он больше не оказывал ей нежелательных знаков внимания.

Весь день погода была великолепной, ярко светило солнце, ветра не было совсем, и к вечеру часов в пять Любочка приделась и в полной готовности зашла за Инной, чтобы идти вместе в школу на новогодний вечер. Инна же еще не закончила прихорашиваться.

Пять домов, в одном из которых жили Миниовичи, стояли на отшибе на пустыре за военным городком параллельно его забору на довольно большом расстоянии от него. От домов к узкой калитке в заборе вела протоптанная тропинка, через которую и попадали в военный городок. Чтобы попасть в город, надо было пройти этот пустырь по тропинке, пересечь военный городок, а потом через другую калитку попасть на еще один пустырь между военным городком и улицами города.

Пока Инна занималась своим туалетом, поднялся ветер. Он задул со страшной силой, поднимая тучи снега.

Девушки не поверили сразу, что теперь им не дойти до школы, надели валенки и зимние пальто, чтобы идти на вечер. Мама Инны Миниович не хотела их пускать, умоляла не выходить из дома, даже заплакала, но девушки ее не послушались. А отца Инны дома не было, он, как и Николай Исаакович, дежурил в этот предновогодний вечер в части.

И вот 31 декабря часов в шесть вечера Любочка со своей подругой открыли дверь, и сделали несколько шагов по пустырю между домами и забором военного городка, чтобы попасть на тропинку. Но уже не было видно ни забора, ни калитки в нем, ни тропинки. Пурга была такой сильной, что Любочке показалось, что они остались одни в поле. Даже дома, из которого они только что вышли, совсем не было видно.

Держась друг за друга, девушки сделали еще несколько шагов и сразу поняли, что не знают, куда идти дальше – ничего не было видно. Даже пальцев вытянутой руки. Слева, справа, сзади и спереди стояла сплошная стена крутящегося снега. Ветер сбивал с ног. Снег был сухой и колючий. Ветер метал его прямо в лицо, забивая глаза, нос, рот, не давая дышать. Надо было прикрывать руками рот, нос, глаза. На мгновение они расцепили руки и сразу потеряли друг друга. Обе начали кричать и громко звать друг друга, но их голоса сразу терялись в вое пурги. Все же они случайно наткнулись друг на друга, и теперь уже не расцепляли рук, боясь потеряться еще раз.

Они услышали выстрелы. Стреляли, чтобы люди могли ориентироваться хотя бы по звуку.

Девушки поняли, что им никогда не дойти до калитки. Пересечь по занесенной снегом тропинке большой пустырь, а потом найти калитку в длинном заборе военного городка было невозможно.

– Нам надо возвращаться. Даже если мы дойдем до забора, мы не найдем калитки, – сказала Люба.

Она уже поняла, что они и до забора не дойдут.

Девушки решили вернуться в дом Миниовичей, но в какую сторону надо было идти, они уже не понимали. Где был их дом? В какой стороне? Все стороны были одинаковыми. Всюду стеной стоял снег, гонимый ветром. Да, вокруг был ветер и снег. И ничего более. Ни каких-нибудь очертаний построек, ни огонька... А ведь они сделали всего несколько шагов...

Все-равно, на что-нибудь надо было решаться. И они решились, – повернули назад, к дому (так они считали) и пошли. Они сделали те несколько шагов, на которые отошли от дома, а потом еще столько, а потом еще больше, понимая, что идут куда-то не туда, но, все же надеясь, что наткнутся на дома. А что было делать? Еще раз поворачивать назад и идти в никуда? А ветер сбивал с ног, пригибал к земле, заставлял наклонять голову вниз, приходилось чуть не ползти, потому что идти уже было невозможно. И сил оставалось все меньше и меньше.

Но девушкам нашим повезло. Они, когда уже надежда была потеряна, наткнулись-таки на стенку дома, ощупали ее руками, еще не веря, что это дом, и, прижимаясь к стене, не отпуская шершавой древесины, начали передвигаться ползком вдоль стены, чтобы достичь двери. Вскоре они доползли до нее и начали стучаться, так как дверь была заперта. Дверь приоткрылась, и на пороге показалась... соседка. И даже не та, что жила в соседнем доме, а та, что жила через дом.

Девушки думали, что они пришли обратно в дом Миниовичей, а это оказался даже не соседний.

Они сначала даже глазам не поверили. Оказалось, что они вслепую шли не к домам, а почти параллельно им. Хорошо, что немного под углом. Еще чуть-чуть, и они бы прошли мимо домов в чистое поле. И тогда они поняли, что были на волосок от смерти.

Они решили пробраться вдоль стен к дому Миниовичей. Было трудно, но все же значительно проще, чем блуждать в чистом поле – пять домов примыкали почти вплотную друг к другу, их разделяли лишь хозяйственные сарайчики. И вот, держась за стенки домов и сарайчиков, девушки добрались, наконец, до дома Миниовичей.

Мама Инны уже и не чаяла увидеть ее живой, она сидела и рыдала от горя. Можете себе представить, как она обрадовалась, увидев девушек живыми!

Любочка сразу позвонила отцу в штаб, где Николай Исаакович дежурил, и сообщила, что она жива, на вечер не пошла и пережидает пургу в доме Миниовичей. Отец решил немедленно сообщить об этом маме.

Он вышел из штаба и, как он потом рассказывал, в основном ползком «на пузе» добрался до своего дома, где оставались Берта Абрамовна и десятилетний Володя. Пятиминутный путь занял у него полчаса. А потом так же ползком вернулся в штаб. Служба есть служба.

А вечер в школе состоялся. Школа то была в городе, и дети, жившие в самом городе, до школы добрались. И только Люба и Инна, жившие вне города, не смогли попасть на встречу Нового года. Но какое счастье, что они проявили благоразумие и вернулись домой!

Пурга бушевала до утра 2-го января и потом, когда она кончилась, в Южно-Сахалинске собирали трупы замерзших в пургу людей. Особенно много погибло детей. Пурга началась внезапно, и дети, находившиеся на улицах города, не смогли вернуться домой. Люди замерзли прямо на улицах, рядом с домами. А что говорить о чистом поле?

Любочка до 2-го января была у Миниовичей. На второй день утром пурга прекратилась, снова ярко засветило солнце, но его лучи не попадали в окна дома Миниовичей, потому что они были полностью засыпаны снегом. На улицу нельзя было выйти, потому что двери не открывались, – мешал снег. Дом был занесен им по самую трубу.

А потом пришли солдаты и освободили их из снежного плена, откопав двери и, окна, прочистив дорожки, которые превратились в глубокие траншеи. Стенки их были выше человеческого роста.

Жизнь продолжалась, а это жуткое воспоминание о стихии снега и ветра, о пляшущих вокруг тебя стенах колючего снега, снеговых струях, больно бьющих тебе в лицо, плотном ветре, сбивающем с ног, осталось в памяти. А теперь в теплом уютном доме, греясь у печки, в которой горели, потрескивая, дрова, они ощущали бесконечную усталость и безмерную радость. Спасли сами себя, выдержали борьбу со стихией, преодолели, победили. И осталось понимание, как хрупка жизнь, которая дарована тебе...

Но было жалко, что не попали на Новогодний вечер. Ведь так к нему готовились!

Рыба и икра

Сказать, что рыбы на Сахалине было много, значит, ничего не сказать. Рыбы было очень-очень много, и она была очень-очень большая. Иногда длиной метра полтора, а то и более.

От рыбины Берта Абрамовна отрезала голову на уху, вынимала и солила икру, а остальное (представляете себе эту рыбину!) скармливала курам, которых держала в сарайчике. Куриное мясо потом пахло рыбой.

Николай Исаакович из рыбьих голов сам варил уху, – любимая еда! Рыбные консервы из кеты съедала кошка. Но бычки в томате, тогда они были в магазинах в изобилии, дети считали деликатесом и кошке не отдавали.

Майор Штерн плавает на Курилы

Район пограничного дивизиона был обширный: помимо Сахалина в него входили все Курильские острова. Время от времени Николай Исаакович посещал все посты на Курильских островах. Он читал лекции о международном и внутреннем положении Советского Союза. Его ждали.

После лекции задавали много вопросов. Николай Исаакович охотно и со знанием дела отвечал.

Потом его кормили любимой ухой из рыбных голов. Съев уху, он «разбирал» рыбы головы, обсасывая каждую косточку. Как он любил эту процедуру! И как это было вкусно! Он обожал эту пищу.

Учиться в Ленинград

В июне 1952 года Любочка закончила школу на 4 и 5. Сначала преподаватели даже считали, что она идет на медаль. Они забыли, а Любочка, конечно же, помнила, что две тройки в девятом классе (по географии и астрономии) воспрепятствуют этому.

Когда же Любочке предложили пересдать эти два предмета, она категорически отказалась. Не знаю, как астрономия, но история и география, как и ботаника в младших классах, остались в ее памяти как предметы, к которым она совершенно неспособна.

Поскольку аттестат зрелости у Любочки был вполне приличный, она решила поступать в Институт в родном городе – Ленинграде. Родители не возражали. Там жила многочисленная родня. Пропасть не дадут и приглядят.

Посадка на пароход на Сахалине

Толпы желающих выехать с Сахалина осаждали пароход в порту Южно-Сахалинска. Пограничники провожали на пристани трех девочек и двух мальчиков, выпускников школы. Солдаты стояли на сходнях и перед ними, отесняя толпу и сдерживая ее.

Пробраться на пароход сквозь эту толпу было практически невозможно. Но у ребят были билеты на места 2-го класса, а у людей, стоящих на пристани, не было. В этом было преимущество наших выпускников перед остальными страждущими.

После многочисленных, но безуспешных попыток проникнуть на пароход, девочки совсем приуныли, но тут пограничники проявили свое мастерство и боевую закалку (наверное, им было это не впервой). Они подхватывали каждого на руки – каждого мальчика и каждую девочку – и передавали друг другу над головами людей. Так все они оказались на пароходе. Потом точно так же передали и вещи.

Но на этом приключения не закончились. Хотя на билетах было напечатано: 2-й класс, и на каждом билете значилось свое место, к удивлению ребят, оказалось, что 2-го класса на пароходе вообще нет. 1-ый есть, а 2-го нет. Первый класс – каюты, а все остальные места – трюм или палуба.

Пока был открыт 1-й класс, наша пятерка сидела там в коридоре на диванчике. Но к ночи их попросили выйти.

Им дали одно одеяло на всех, ребята нашли вентиляционную решетку от камбуза, откуда шел теплый воздух, присели на нее, накрылись этим одеялом, одним на всех, и так уснули. Под утро они продрогли и долго не могли разогнуться.

Им предстояла еще одна ночь. На этот раз они договорились с матросами, заступающими на вахту, что поспят в их койках в матросских кубриках. В середине ночи вахта сменилась,

и матросы вернулись. Пришлось играть с ними в карты. Так и играли, пока не пришел то ли капитан, то ли боцман...

Пересадка в Новосибирске

Во Владивостоке пересели на поезд. До Новосибирска доехали за пять дней без новых приключений, а там была пересадка.

В 6 часов утра ярко светило солнце. Июньский воздух был свеж, чист и напоен ароматом трав. Таким предстал перед ними Новосибирск. Они вышли из Новосибирского вокзала и пошли гулять. Вокзал в Новосибирске впечатлил их. В те годы такие здания вокзалов были редки. Пожалуй, только в Москве и Ленинграде были большие здания, а в других городах были маленькие станционные строения.

Они пошли по улицам, прилегающим к вокзалу. Времени до отправления их поездов было много. И вдруг... они увидели вывеску «Баня». Более того, несмотря на раннее утро, баня была открыта.

Двое суток на пароходе и пять на поезде – и вдруг баня. Сказка, да и только. Они взяли «нумер» и с наслаждением помылись в бане.

У Любочки на всю жизнь сохранилось это светлое воспоминание о Новосибирске и бане, поэтому, когда я спустя семь лет ей предложил поехать в Новосибирск работать, она вспомнила эту баню и солнечное июньское утро и с радостью согласилась.

Я не уверен, что это стопроцентная правда, но Любочка рассказывает об этом именно так.

Первые два года студенческой жизни

В Ленинграде Любочка поселилась на Васильевском острове, где жили ее бабушка и дедушка. Там в большой коммунальной квартире у них было две комнаты – одна большая, другая маленькая, проходная. Любочке выделили именно эту маленькую, проходную комнатку, вполне пригодную для жилья. На самом деле, когда-то это была одна комната, но потом её разделили на две смежные – одна по-прежнему была большой, а вторая – узкой и проходной.

Проходная – это комната, через которую проходят, когда надо выйти. Просто другого выхода из большой комнаты не было. Ты можешь в это время спать или заниматься, но через тебя все равно ходят, хотя бы в туалет, ванну или кухню, которые располагались в другой части коммунальной квартиры.

А про комнату, которую семья Штернов покинула в 1945 году, никто и не вспомнил. Она не была забронирована, и ее отдали кому-то из многочисленных нуждающихся в жилье.

В августе Любочка сдавала экзамены на механико-машиностроительный факультет Политехнического.

Я в этом впоследствии, когда узнал, усмотрел определенное стремление судьбы познакомить нас во что бы то ни стало. Это был еще один дополнительный шанс встретиться мне с ней в нашей жизни, ведь через месяц меня приняли именно на этот факультет! Судьба тогда первый раз попыталась познакомить нас. Правда, из этого ничего не вышло.

Первым шел экзамен по математике. Любе дали задачу, которая не решалась, ее, как оказалось, давали тем, кого надо было завалить (а надо было завалить евреев).

По совету своей подруги из Мукачево Риты Коренец, которую Любочка случайно встретила в Ленинграде, она пошла в приемную комиссию Химико-фармацевтического института, куда Рита уже поступила:

– У нас недобор, – сказала она.

Любочке, действительно, разрешили сдавать экзамены, хотя зачисление абитуриентов уже закончилось. К слову, Любочка сдала злосчастную математику на отлично. По химии она

тоже получила отлично, а по литературе и английскому языку – хорошо. Со средним баллом 4.5 она была безусловно зачислена.

Любочку тогда учеба интересовала меньше всего, а вот Ленинград – опера, балет, филармония, Эрмитаж... А также кино, – ни один новый фильм Любочка не пропускала, да и все старые пересмотрела. В ее жизни видное место занимали родные, – она всех любила и систематически их навещала.

Так прошел год. В декабре 1953-го должны были приехать из Германии Мунвезы, – Абрашу, мужа тети Сони демобилизовали, – и они должны были приехать именно в эти две комнаты, где сразу должно было стать очень тесно. Решили, что Любочка так и останется в своей комнатке, а в большой комнате должны были вместе жить бабушка, дедушка, Соня с Абрашей и их маленькие дети Леня и Эллочка.

Бабушка, потерявшая на фронте двоих сыновей – Сашу и Яшу – и рано умершего (сильно болевшего после войны) Мишу, ждала Соню.

Вот придет Сонечка, тогда можно и помереть, говорила она. И когда Соня вернулась из Германии, так и случилось. По дороге к Швабским, где собиралась вся семья по поводу приезда Мунвезов, бабушке стало плохо с сердцем, и она умерла. Это случилось в начале декабря 1953 г.

Любочка прожила с Мунвезами и дедушкой до сентября 1954 г., когда она переехала в нашу коммунальную квартиру на ул. Восстания к Марьяше, где в ее распоряжении был диван и кусок обеденного стола. Жить в одной маленькой комнате с Марьяшей было трудно, но все же легче, чем вместе с Мунвезами. А Любочка была неприхотливой. Учеба, студенческая практика, сверстники, преподаватели, обо всем этом я рассказать не могу, эти подробности известны только Любочке. Захочет, – напишет.

Поездка в Гомель

Я упомянул о поездке Любочки в Гомель летом после первого курса, куда Любочка решила съездить, чтобы навестить брата ее мамы – Израиля, который жил там с женой Юдифью и двумя дочерьми, чуть помладше Любочки – Милой и Любой, Любочкиными двоюродными сестрами. Они её приняли «как родную», и Любочке там было очень хорошо.

Старший сын Израиля Володя Каган с женой Лориком (её иначе не звали) и сыном Мишей жил в Ленинграде, и о нем чуть подробнее попозже. С ними жила и мама Лорика – Мирой Наумовной Дадиани.

Ухаживающие

У Любочки появились друзья и ухаживающие (хотел написать – ухажеры, но подумал, что сама Любочка так бы никогда не написала о тех, кто за ней ухаживал).

Любочка в Ленинграде (1952)

Любочка была красивой, и не могла не нравиться. Ее друзья, как мне кажется, больше смотрели на нее, как на невесту, но Любочка об этом, по-моему, совсем не думала, хотя не могла не догадываться. Она встречалась с ними, но только до тех пор, пока их претензии не начинали ее утомлять. Тогда она прекращала отношения. Из таких настойчивых ухажеров (этих я могу так назвать) я насчитал – по Любочкиным рассказам – троих. Один был остряк, и Любочка рассказывала, что, гуляя с ним, она непрерывно хохотала.

– Говорят, когда смеешься в организме вырабатывается глюкоза, – сказала как-то Любочка.

– Давай создадим производство сахара, – немедленно подхватил он, – я буду тебя смешить, а ты будешь вырабатывать сахар.

Другой был другом старшего сына Марка Абрамовича – Лёни (от первой жены – Кати). Его друга тоже звали Леня, а фамилия его была Мацкин. Но ухаживал он в вполсилы, т.к. ему нравилась Инна Миниович, а не Любочка.

У третьего, вроде бы, были весьма серьезные намерения, но таковых не оказалось у Любочки. Она не испытывала к нему чувств, а поскольку он был настойчив и даже назойлив, они расстались.

Друзья или претенденты?

А вот друзья у Любочки были замечательные. Правда, они появились позднее. Их было семеро. Я впервые их увидел на каком-то вечере в Актовом зале Политехнического. Эти ребята и учились в Политехническом и даже на мехмаше, но курса на два выше и года на два постарше меня.

Друзья Любочки – Муля (слева) и Володя Вайсбург.

Володя Вайсбург, очень добрый, невысокого роста и довольно плотный, если не толстый парень.

Муля, фамилию которого мы с Любочкой уже не помним, тоже добрый и умный парень высокого роста, горбоносый, чрезвычайно приятный в общении.

Пожалуй, Володя и Муля, действительно, были влюблены в Любочку, я это увидел с первой же встречи, но вслух они своих предпочтений и намерений не выказывали, – они ждали со стороны Любочки какого-нибудь сигнала, который бы выдал им ее предпочтение. Но сигнала не было, и они ходили на вечера, встречались, с радостью проводили вместе время, и Любочке было хорошо с ними.

Впоследствии как-то Муля сказал Любочке, что они никогда бы не посмели выказать своих чувств, пока бы Любочка сама не заговорила об этом или бы не показала бы, что ей кто-то из них нравится.

Саша Интриллигатор, он был из Харькова, невысокий, интеллигентный, симпатичный.

Леша Давыдов был красивый, с вдохновенным лицом и с горящими глазами. Черные, как смоль, волосы красиво обрамляли его мужественное лицо. Иногда я задумывался, не соперник ли? Но я видел, что он уделяет внимание другой девушке.

Еще двое, имен которых я не помню, играли на музыкальных инструментах – один на скрипке, а второй на аккордеоне. Они, смеясь, говорили про Любочку и себя: «Белоснежка и семь гномов».

Любочка рассказывала мне, что она познакомилась с этими ребятами в поезде летом 1953 года, когда возвращалась из Гомеля, куда она ездила навестить своего дядю, брата Берты Абрамовны, Любочкиной мамы, Израиля, его жены и детей – Милочку и Любочку.

Во сне Любочке приснилось, что играет какая-то прекрасная музыка. Она спала на верхней полке плацкартного вагона и, проснувшись, поняла, что музыка играет наяву. Любочка сползла вниз и пошла туда, откуда эта музыка доносилась. В последнем купе сидели все эти

ребята, и двое из них на аккордеоне и скрипке играли Чардаш Монти. Любочка потихоньку пристроилась где-то сбоку и стала слушать.

Все эти ребята были, что называется, один лучше другого. Они мне очень нравились, хотя я и очень внимательно наблюдал, нет ли какой-нибудь эволюции в отношениях кого-либо из них с Любочкой. И особенно внимательно – за Володей и Мулей, а впоследствии – за Лешей Давыдовым.

Встреча с Мишей, то бишь, со мной

После второго курса в августе 1954 года Любочка с дочерью бывшего папиного сослуживца Неточкой Керпер поехала отдыхать в Игналину, в Литву.

Там семья Мунвезов – Соня с детьми – снимала дачу. Они вернулись домой на несколько дней раньше, а Любочка и Нета задержались, – были какие-то проблемы с билетами на поезд. Тут-то и произошла ее встреча со мной.

Мне здесь трудно говорить за Любочку. У меня свои воспоминания, а у нее свои. Когда она увидела меня первый раз на танцах и обратила на меня внимание, я был с тремя студентками института иностранных языков из Ленинграда. Любочка говорит, что я для нее тут же перестал существовать, потому что студентки иняза пользовались определенной репутацией. Не эти девочки конкретно, а вообще. В тот раз я не подошел к ней, но не оставлял намерений познакомиться. И, к счастью, познакомился. И хорошо, что ее предубеждение прошло.

Красавица

Дифирамбы Любочке

Любочка и в юности, и в молодости, и в зрелые годы была необыкновенно красива, но ее красота никогда не была холодной. Любочка – очень общительный, живой человек, и через секунду общения тебя уже покоряет ее ум и обаяние. Она всегда сразу обращала на себя внимание. Так было в тот далекий 1954 год, когда я ее случайно увидел. Так было и через 10 лет,

когда мы жили в Академгородке, а Любочка играла в театре и слыла первой красавицей Академгородка.

Она, повторяю, она вообще теплый и общительный человек, с которым общаться очень просто. Просто, если ты сам естественен, не фамильярен и не заносчив. Этого она не терпела никогда.

И пошлости она никогда не выносила. Пошлый человек для нее сразу переставал существовать. Вокруг нее, как сказал впоследствии один из ее друзей, существовала аура чистоты и целомудрия, которую никто не смел преступить.

Я редко бывал пошл (бывал, бывал, иногда, что уж тут поделаешь) и запретную черту иногда преступал, каюсь, но мне это в то время прощалось. Правда, я видел, что с трудом.

Часть 2. Любочкины родители

Отец Любочки Николай Исаакович Штерн на склоне жизни в Академгородке.

Любочкин отец Николай Исаакович Штерн (1908—1991) незадолго до своей кончины написал воспоминания, которые я здесь и привожу. Название им он дал сам, но подзаголовки введены мною. Мною также подобраны фотографии.

Текст воспоминаний я снабдил комментариями, приведенными в конце этой главы.

Глава 3. Николай Исаакович Штерн МОЁ КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Наша семья

Пишу его в результате настойчивых пожеланий моей дочери Любы. Понимаю, что это очень трудное дело и поэтому заранее прошу меня простить за почерк⁴ и другие недочёты, которые будут у меня в процессе этого изложения.

Итак, начинаю. Я родился в 1908 году 25 марта в городе Двинске⁵. Теперь он называется Даугавпилс Латвийской ССР. Родился я в семье служащего.⁶ Отец был приказчиком⁷ в табачном магазине. Мать — домашняя хозяйка, хотя она по специальности была швея. Я родился третьим ребёнком, а впоследствии нас было пять братьев и две сестры.⁸ Такая многочисленная семья переживала материальные трудности.

⁴ Дочь Н. И. Штерна Люба Качан передала рукопись «Жизнеописания» своему брату Володе, и его жена Клара Штерн ввела весь текст в компьютер. Редактировал и комментировал «Мое краткое жизнеописание» муж Любы – Михаил Качан.

⁵ *Жили в Двинске.* Замок Динабург был построен в 1275 г., права города были получены в 1582 г., в 1656 г. был назван Борисоглебском, в 1893 г. был переименован в Двинск и входил в состав Витебской губернии. Наконец, в 1920 г. город был назван Даугавпилсом. Город Двинск в Российской Империи входил в черту оседлости. Перед Первой мировой войной в Двинске проживали 112 848 жителей, среди них было 55 686 евреев – то есть почти половина населения города.

⁶ В Советском союзе было официально принято указывать в анкетах свое происхождение. Поэтому писали: из рабочих, из крестьян или из служащих. Служащих не жаловали. Самым престижным было – из рабочих. Считалось, что в Советском Союзе установлена «диктатура пролетариата», т.е. рабочих.

⁷ *Работал приказчиком.* Приказчиком назывался помощник хозяина или управляющего магазином. Сегодня его бы назвали менеджером.

⁸ *...Нас было 5 братьев и 2 сестры.* Вот, что пишет племянница Николая Исааковича Штерна, Лена Гладкова (Штерн), дочь Хацкеля (Миши): «Бабушка Рива, Ревекка Шахновна Иоффе, была из довольно зажиточной семьи, которая имела свой дом в Двинске (во всяком случае, в Двинской губернии). Дедушка Исаак (Ицек) Касрилович Штерн был из бедной семьи. Бабушке приписывался следующий принцип при выборе жениха: пусть будет красивый – от него будут дети, а умная я и сама. Вопрос, является ли бедность признаком небольшого ума. Но муж ее был по всем признакам хорош. У них было семеро детей. Старший Хацкель (в быту Миша) – мой будущий отец, 1906 года рождения. У него 4 брата: Яков, Николай (в честь деда Касрила), Александр, Соломон (в честь деда Шахнеса) и две сестры: Геня (Лена) и София (1918)».

Семья Исаака и Ревекки Штерн. Слева направо стоят: Яков, Николай (Касрил), Александр; сидят: Михаил (Хацкель), Шаха (Соломон), Ревекка, София, Исаак, Геня (Лена). Примерно 1929 г.

Из Двинска в Вологду

Город Двинск был крепостью, и немцы в первую мировую войну бомбили наш город. Бывало, что ночью мать хватала всех ребят и бежала под крытые ворота, и мы были свидетелями, как бесчинствовали германские лётчики.

В результате угрозы захвата города немцами наша семья в ноябре 1917 года как беженцы переехали в глубокий тыл, город Вологду.⁹

Помню в дни Октябрьской революции¹⁰ мы переезжали в Петрограде на другой вокзал. К сожалению, это было вечером и впечатлений осталось мало.

В Вологде мы поселились во флигеле на ул. Чернышевского, дом 32. Флигель принадлежал купцу Мурыгину, который, кроме флигеля, имел ещё два двухэтажных дома. Отец устроился на мыловаренном заводе мыловаром. Мы, старшие сыновья Михаил, Яков и я, помогали родителям, чтобы прожить с такой оравой (7—9 человек).

⁹ ...наша семья в ноябре 1917 года как беженцы переехали в глубокий тыл, город Вологду. В первую мировую войну по решению Российского Императорского Генерального штаба более 500 000 евреев было не эвакуировано, как пишет Н. И. Штерн, а депортировано из прифронтовой полосы во внутренние губернии России. Их приемом и расселением никто не занимался. Это была первая массовая депортация в XX веке. Лена Гладкова, дочь старшего брата Хацкеля (Михаила) пишет: «Во время Первой мировой войны жителей прифронтовой полосы эвакуировали. Братья бабушки Ривы подались в Южную Африку, в Йоганнесбург. А семья Штернов, в которой уже было пятеро детей, перебралась на север, в Вологду. Их семья во время Первой мировой или гражданской войны вынуждена была бежать из родных мест вместе с детьми».

¹⁰ Помню в дни Октябрьской революции мы переезжали в Петрограде на другой вокзал. Таким образом, время депортации семьи Штернов в Вологду известно точно – конец октября-начало ноября 1917 г.

Мы занимались торговлей папиросами, семечками, махоркой. Время в 1918—22 годах было тяжелое. Кушали без хлеба колоб¹¹ или жмелки,¹² которыми кормили скот. Деликатесом были голуби, которых мы убивали в амбаре, который был напротив нашего дома.

Никогда не забуду такое событие. В эти голодные годы продали за мешок картошки большой красивый шкаф. Крестьянин был так доволен покупкой, ему так понравился шкаф, что через некоторое время он привёз нам ещё мешок картошки бесплатно.

Мне повезло учиться

Где-то в 1921 голодном году родители отдали меня учиться в хедер,¹³ где мы изучали талмуд. Учитель (ребё) Козловский ходил по классу с линейкой в руках. Отвлекающегося ученика бил линейкой по рукам. В то время за учение в школе надо было платить деньги. Естественно, что при такой большой семье отец не мог платить, средств не было. Старшие братья: Миша и Яша не учились, а мне повезло.

В городе была школа-коммуны,¹⁴ в которой учились беспризорники, воришки и другой преступный элемент, содержащийся в детском доме. Поэтому там обучение было бесплатное. И вот в эту школу я и поступил. В 1924 году я эту школу (семилетку) закончил с хорошими оценками. Во время обучения в школе воспитанники детского дома обслуживались в городском кинотеатре бесплатно. И я с ними тоже бесплатно ходил в кино один или два раза в неделю.

По окончании школы-коммуны я поступил в Вологодский педагогический техникум и там окончил три курса. Так как техникум готовил учителей для сельской местности, летом учащиеся выезжали в учебный совхоз «Олсуфьево». Там мы жили по два месяца и получали навыки работы в сельском хозяйстве. Косили, пахали, работали на лошадях. Особенно я любил работать с лошадьми. Возил навоз с хлева на поля, скошенное сено с поля на сеновал.

В воскресные дни к нам в Олсуфьево со всех окрестных деревень приходили парни и девушки с тальянками.¹⁵ Как и мы, они любили танцевать кадрили, когда четыре девушки и четыре парня стояли друг против друга и пускались в пляс в шесть танцевальных колец с дробью, выбиваемой каблуками. Такую практику мы проводили все три года моего учения в педтехникуме. Но кончить техникум мне не удалось.

Выезд в Израиль был прекращён

Когда мы жили в Вологде в 1922 году евреев записывали на поездку в Израиль (Палестину) на постоянное место жительства. Два эшелона были отправлены. Мы были записаны в 3-й эшелон. Но почему-то запретили наш выезд туда.¹⁶

¹¹ *Колоб* – в толковом словаре Даля – это небольшой, круглый хлебец; толстая лепешка, но Н. И. Штерн, возможно, имеет в виду что-то другое.

¹² *Жмелки* – я не нашёл значения этого слова в словарях и поисковых системах. Вероятно, это какая-то еда на местном вологодском наречии.

¹³ *Хедер* – еврейская религиозная начальная школа. В младшей группе (с трех лет) школьники обучались азбуке и чтению ивритских текстов (без перевода). В следующей группе (с пяти лет) изучались Пятикнижие и начиналось изучение Талмуда. Старшие ученики (с восьми лет) более углубленно занимались Талмудом. Светские учебные дисциплины в хедере не изучались. Занятия проходили с раннего утра до семи-восьми часов вечера. Практиковались телесные наказания строптивых учеников, для чего существовал специальный кнут (канчик).

¹⁴ *Школа коммуны* – новый тип школ, который пытался внедрить Наркомпрос в 20-е годы.

¹⁵ Тальянка – гармонь итальянского строя.

¹⁶ *Переселение евреев в Палестину* – сионистская мечта. Правительство Ленина либерально отнеслось к идее переселения евреев в Палестину. Этой возможностью воспользовались в период 1919 – 1923 годов 35 000 евреев России. Однако учрежденная в 1918 году комиссия по еврейским делам, состоявшая из евреев-коммунистов – яростных противников сионистской идеи, препятствовала выезду евреев в Палестину.

Отца разорили налоги

Отец с 1923 года по 1926 год занимался мелкой торговлей в ларьке. То продавал зерно, то мануфактуру. Мой брат Яков ездил в Ярославль за мануфактурой и потом помогал отцу продавать.

В 1926 году стали накладывать на отца большие налоги,¹⁷ и он разорился.

Из Вологды в Ленинград

Оказавшись разорённым, он вынужден был с семьёй переехать в 1927 году в Ленинград.

Там наша многочисленная семья поместилась в комнате 16 кв. метров. Двое – я и брат Яков спали в коридоре.

Чёрная биржа

Мне в то время было уже 19 лет. Я записался на чёрной бирже,¹⁸ где на учёте были люди, не имеющие специальности. Приходилось каждый день приходить и узнавать нет ли места для работы. С биржи иногда направляли на 3 месяца или на месяц на временную работу.

Работа была «поднять и бросить». Так я в 1927 и 1928 годах работал на заводе «Вулкан», писчебумажной фабрике им. Горького и на обойной фабрике.

¹⁷ *Налоги* – при нэпе «частник» немного воспрям, ибо купля-продажа перестала быть криминалом. Однако частника власть лишь вынужденно терпела, но третировала как врага, и фининспекторы душили его дикими налогами.

¹⁸ *«Чёрная» биржа*. Мне кажется, Н. И. Штерн так называет биржу труда, но, видимо, случайно. Чёрная биржа занималась совершенно другими делами – валютными операциями и т. п. – и была незаконной. Она была разогнана органами ОГПУ в 1926 году. А вот биржи труда оставались еще несколько лет.

Юноша Коля Штерн

На писчебумажной фабрике мне приходилось с телег таскать кипы бумаг по 6 и 12 пудов.¹⁹ Особенно тяжелыми были книги по 12 пудов, когда их приходилось грузить с земли на подводы.

На обойной фабрике мы работали на дворе. Через полтора месяца меня пригласили работать в цех помощником мастера на машине, где на бумаге наносился рисунок. Затем лента обоев сушилась на конвейере вокруг цеха, при высокой температуре. Эту работу называли рассадником туберкулёза. Мой мастер был доволен моей работой, и он сказал мне: «Мы тебя оставим на постоянную работу». Но когда прошло 3 месяца, меня вызвали в отдел кадров и сказали: «Завтра вы будете направлены на биржу труда». Мне стало обидно, потому что мне обещали постоянную работу. Я даже от обиды расплакался.

Стал разметчиком

В 1928 году меня с биржи труда направили на 6-месячные курсы в Центральный институт труда для получения квалификации.

Окончил я эти курсы и получил специальность размётчика по металлу.

Теперь биржа квалифицированных рабочих

Меня перевели с чёрной биржи на биржу квалифицированных рабочих с улицы Красной на Кронверкский проспект. Ходил я ежедневно на биржу узнавать, не требуются ли размётчики. Мне отвечали, что требований нет. Тут в зале ожидания объявили, что состоится экс-

¹⁹ Пуд. Мера веса, бывшая в России в обиходе. 1 пуд=16 кг.

курсия в Эрмитаж. Безработным ничего не оставалось делать, и они ходили в Эрмитаж и другие музеи города. Кроме того, безработным тогда давали талоны на завтрак, обед и ужин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.